

Лебедев А. П. Греческие школы — общеобразовательные и духовные (церковные) в Константинопольском патриархате турецкого периода: [Из истории Греко-восточной церкви от падения Константинополя в 1453 г. до настоящего времени] // Богословский вестник 1899. Т. 1. № 3. С. 359–401 (2-я пагин.).



Греческія школы — общеобразовательныя и церковныя — въ Константинопольскомъ патріархатѣ турецкаго періода *).

(Изъ исторіи Греко-восточной церкви отъ паденія Константинополя, въ 1453 году, до настоящаго времени)

II.

Патмосская школа, — ея происхожденіе, — основатель ея и первый наставникъ въ ней іеродидаскалъ Макарій, — какіе курсы наукъ излагались въ ней? — Съ какимъ успѣхомъ? — Двое преемниковъ Макарія по должности преподавателя въ Патмосской школѣ, — бытъ учениковъ, представленныхъ въ описаніи школьной жизни Григоровича-Барскаго, бывшаго ученика этой школы, — послѣднія страницы изъ исторіи школы — Аѳонская Академія, — ея возникновеніе, — профессора Академіи, — черты изъ внутренней жизни школы, — кратковременность существованія Академіи и ея паденіе, — чѣмъ объясняютъ и нужно объяснять ея паденіе? — Греческія заграничныя школы — Венеціанская, Падуанская, — иностранцы увѣренныя — Свидѣтельства о состояніи просвѣщенія въ средѣ греческаго духовенства отъ XVI до пол XIX-го вѣка; — черты культуры того же духовенства)

Переходимъ къ изученію другихъ болѣе извѣстныхъ общеобразовательныхъ школъ въ Константинопольскомъ патріархатѣ турецкаго періода. Здѣсь мы изложимъ краткую исторію двухъ школъ, посившихъ въ свое время, подобно патріаршей Константинопольской школѣ, громкое наименованіе академіи, — разумѣемъ школу Патмосскую и Аѳонскую.

Въ теченіе всего XVIII-го вѣка на о. Патмосѣ существовала школа, которая у Грековъ, какъ мы сказали, извѣстна съ именемъ Академіи, т. е. совершеннѣйшей школы. Но насколько она заслуживаетъ такой аттестаціи, сейчасъ увидимъ.

Основателемъ Патмосской школы былъ уроженецъ о. Патмоса іеродіаконъ Макарій, получившій образованіе въ Кон-

*) Продолженіе, см. январскую кн. „Богослов. Вестн.“

стантиннополь у гамонныхъ учителей. Намъ кажется, что Макарій съ раняго возраста поставилъ себѣ цѣлю открыть школу на своей родинѣ и для этого-то и пріялъ на себя не легкое дѣло многолѣтняго самообученія въ столицѣ. По словамъ нашего путешественника XVIII-го вѣка Барскаго, современника Макарія, оиъ (Макарій), какъ скоро нашелъ, что достаточно обучился наукамъ, ни мало не медля оставилъ Константинополь и посѣщилъ на родной островъ, не смотря на болѣе заманчивыя перспективы, которыя открывались для него, еслибы оиъ остался въ столицѣ. Выборъ такого мѣста для основанія школы, какъ Патмосъ, отличаетъ въ Макарії фанатика идеи, ибо трудно представить себѣ обстановку, менѣе соотвѣтствующую задачамъ училища, чѣмъ какую встрѣчаемъ на Патмосѣ. Но очевидно Макарій слалъ себѣ: „такъ я хочу“ и сила воли побѣдила все прятствія. По словамъ Барскаго, Патмосъ—это быть „малый и уничиженный“ островъ между всеми островами Малоазійскаго архипелага, а такимъ жалкимъ считаетъ Патмосъ нашъ путешественникъ потому, что здѣсь господствовало рѣдкое невѣжество: священники по причинѣ „простоты и ненаученія“ не умѣли „правила церковнаго пѣнн и чести“, мало того—даже сами игумены тамошняго Иоанно-Богословскаго монастыря „именъ своихъ на хартии подписати не вѣдяху“ И вдругъ среди повальнаго невѣжества долженствовала возникнуть „академія“! Патмосъ еще тѣмъ бытъ не хороши, что тамъ почти нечего было быть, хотя население острова простиралось до четырехъ тысячъ. По наблюденію Барскаго, „мало что раздается тамо (потребнаго для ппгания), но все привозится изъ-за прѣдѣловъ острова Одно было хорошо, на островѣ не жило Турокъ, была, значить, полная свобода. А Турки, по разказу Барскаго, не жили здѣсь потому, что „ради убогаго и сухаго (безплоднаго) острова не хотять тамо житьествовати, обикшии яети и шти много якоже свнціи“ 4). Будущіе ученики шко ны напередъ должны были приготовить себя къ постычеству и лишениямъ.

Какъ бы то ни было, объятый неудержимымъ стремленіемъ создать школу на „убогомъ и сухомъ“ островѣ, Макарій от-

4) Гриворовича-Барскаго. Странствованія по сѣ мѣстамъ Востока съ 1723 до 1747 годѣ Ч. II, стр. 187—346 189 С.-Петербургъ, 1886

крыть такую въ 1712—1713 году и чрезъ нѣсколько лѣтъ въ 1720-мъ году совершился первый выпускъ его учениковъ. Въ 1731 году Барекій нашель у Макарія больше 50 учениковъ, а въ 1736 году даже болѣе 100. Чему же учить Макарій своихъ учениковъ? По словамъ Барскаго, курсъ наукъ былъ очень разнообразенъ. Наставникъ преподавалъ „ученіе грамматическое, риторское, философское, богословское“, обучалъ языкамъ Еллинскому и Латинскому, а кромѣ того и „мусекійскому искуству церковнаго пѣнія“ (т. е., копечю, потному пѣнію)¹⁾. Остается непонятнымъ: какимъ образомъ одинъ учитель могъ съ успѣхомъ преподавать столько различныхъ и болѣею частію серьезныхъ науки²⁾ ученикамъ, безъ сомнѣнія мало и неодинаково подготовленнымъ? Правда, Макарій вносилъ въ себя помощниковъ—изъ числа своихъ учениковъ,—сначала Іакова, который впрочемъ скоро оставилъ островъ³⁾, а затѣмъ Герасима, человѣка, кажется, болѣе знающаго; но съ однимъ помощникомъ учить разнымъ наукамъ съ надеждой на благое плоды—учениковъ, умножившихся болѣе сотни—дѣло трудное. Мы истинно сожалѣемъ, что нашъ Барекій, посѣтивъ островъ въ 1731 году, не послушался совѣта Макарія (о чемъ постъ жалѣть нашъ путешественникъ) остаться на Патмосѣ и посвятить себя здѣсь изученію наукъ „въ пользу себѣ и отечеству“. Онъ пробывъ въ это время съ Макаріемъ только 12 дней и конечно не могъ составить яснаго представленія ни о качествахъ преподаванія, ни объ успѣхахъ учениковъ. Дневникъ Барскаго

¹⁾ Тамъ-же, II, 188—347.

²⁾ Хронологическія данныя изъ жизни Макарія находимъ лишь у Барскаго. Умеръ Макарій, не достигши пятидесятилѣтняго возраста (II, 347), быть можетъ въ 48-ми, преподавалъ онъ въ школѣ 25 лѣтъ (ibid.), значитъ, събылся преподавателемъ, имѣя отъ роду около 23 лѣтъ. Но онъ не сразу по возвращеніи изъ Константинополя открылъ школу. Прошло года 3—4, прежде чѣмъ Макарій учредилъ школу (ibid., 188), посещавшись опять на родинѣ. Значитъ, Макарій кончилъ свое образованіе въ столицѣ въ 20-ти. Можно ли въ такія юныя лѣта достигнуть совершенства въ тѣхъ наукахъ, какія ставъ отъ него преподавать? Сомнительно, во всякомъ случаѣ ему несомнѣнно до многого мѣала быто доходить своимъ умомъ, учащимся? Но такое допущеніе дѣла могло вредить успѣху Макаріева преподаванія.

³⁾ *Πατμοτολογία—Κρητικός, Ἱεροσολιμίτικῆ, Βυζαντινῆ, Γόσι Ἰσραήλ* 307. Истербури, 1891.

въ этомъ отношеніи очень немного даетъ намъ Правда. Барскій вторично свидѣлся съ Макаріемъ, когда еще разъ приплылъ на островъ въ 1736 году, но онъ засталъ основателя и перваго учителя школы на смертномъ одрѣ. Въ виду такихъ обстоятельствъ Барскій сообщаетъ мало свѣдѣній о ходѣ дѣла въ школѣ и результатахъ его на основаніи личныхъ наблюденій касательно учительства Макарія. Онъ говоритъ, что ученики Макарія отличались цѣломудріемъ и смиренномудріемъ,—но для насъ въ настоящемъ случаѣ подобныя отмѣтки не имѣютъ интереса. При другомъ случаѣ, восхваляя Макарія, Барскій пишетъ, что онъ „мнози отъ рыбаковъ и земледѣльцевъ философи и богослови сотвори“¹⁾, но мы считаемъ подобное замѣчаніе ничего не значущей фразою. Ибо рыбака скоро превратить въ настоящаго философа, а крестьянина въ серьезнаго богослова можно только путемъ чудеснымъ

Сдѣлаемъ, что можемъ, для разьясненія вопроса: чему именно и какъ, а равно съ какимъ успѣхомъ велось дѣло преподаванія науки въ Патмосской школѣ, въ ея лучшую пору при Макаріи и подъ его руководствомъ. — воспользовавшись для этой цѣли какъ скудными замѣтками въ дневникѣ Барскаго, такъ и другими, правда, немногочисленными извѣстіями. Какъ мы сказали выше, по увѣренію Барскаго, въ школѣ Макарія, при самомъ Макаріи, преподавались четыре разряда наукъ: грамматика, риторика, философія и богословіе (Что-то въ родѣ обычнаго схоластическаго курса). Слѣдую тому порядку наукъ, какой указалъ Барскій, намъ нужно бы прежде всего сказать объ изученіи грамматики въ школѣ Макарія, т. е. о томъ, по какимъ руководствамъ учились здѣсь и какъ велось дѣло преподаванія этой науки, но въ доступныхъ намъ источникахъ ничего на этотъ счетъ не говорится²⁾. Нужно полагать, что „ученіе грамматическое“

¹⁾ Барскаго, II, 348—191—188

²⁾ Правда, у Саѣи и Завиры упоминается что Макарій что-то писалъ по части грамматическаго синтаксеса и также схолии на разныя слова греческихъ отцовъ, но эти сочиненія не пзданы и пзвѣстны только по имени (неизвѣстно даже—сохранились ли они до нашего времени). Дѣлать отсюда какія-нѣбо заключенія по занимающему насъ вопросу мы считаемъ себя не въ правѣ *Σάβα Νεοελληνική φιλολογία: Βιογραφία. σελ 441 Ζωζίου Νέα Ἑλλάς ἔ Τθηναίων Θέσταιον. σελ 436* Аѳины, 1872

велось по обычному тогдашнему школьному шаблону. Гораздо болѣе мы знаемъ о томъ, какъ изучалась риторика въ школѣ Макарія; объ этомъ и скажемъ нѣсколько словъ. Риторика изучалась, повидимому, по запискамъ, составленнымъ Макаріемъ. По смерти Макарія, въ 1755 году, въ Венеціи напечатано было его сочиненіе подъ заглавіемъ: „Изложеніе риторическихъ правилъ, въ особенности полезныхъ священно-проповѣдникамъ, извлеченныхъ изъ латинскихъ книгъ и назначенныхъ для изучающихъ филологію“, т. е. грамматику. Конечно, книга издана на греческомъ языкѣ. Есть все основанія думать, что по этой-то риторикѣ и учились ученики Макарія. Судя по заглавію книги (а кромѣ заглавія о ней ничего неизвѣстно), это была не столько риторика, сколько гомилетика, ибо указанное руководство имѣло въ виду „въ особенности священно-проповѣдниковъ“, а слѣдовательно ставило цѣлю научить церковному краснорѣчію. Должно сказать, что „руководство“ Макарія по риторикѣ было очень элементарно, какъ это видно изъ того, что оно состояло лишь изъ нѣсколькихъ десятковъ страницъ¹⁾ Впрочемъ если книга Макарія и была элементарна, то у Макарія же, какъ наставника юношества, было въ распоряженіи одно очень важное средство, которымъ онъ и пользовался въ интересахъ развитія проповѣдническаго дара у своихъ питомцевъ. Самъ онъ очень часто проповѣдывалъ съ церковной кафедры и былъ искуснымъ проповѣдникомъ. Нашъ русскій паломникъ Барскій говоритъ объ основателѣ Патмосской школы: „особливое, глаголють, дарованіе имѣяше въ риторическихъ проповѣдяхъ“²⁾. Слушать хорошаго проповѣдника, нѣтъ сомнѣнія, очень полезно для тѣхъ, кто самъ готовится быть проповѣдникомъ. Поэтому, проповѣдничество Макарія можно назвать практическою школою для „священно-проповѣдниковъ“ того времени. Проповѣди Макарія могли имѣть тѣмъ большее значеніе для его школы, что онъ ихъ записывалъ. Ученики его могли читать ихъ и такимъ образомъ учиться дѣлу проповѣдничества. Говорятъ, что Макарій составилъ болѣе 2000 проповѣдей³⁾. О достоинствѣ

¹⁾ *Σάρα Νεοελληνική φιλολογία. Βιογράφημα. σελ. 441*

²⁾ Григоровича-Барскаго II, 347

³⁾ *Ζεσίον Νέο Έλλάς* 436 Часть этихъ проповѣдей напечатана

его проповѣдей, а съ тѣмъ вмѣстѣ о достоинствѣ преподаванія имъ церковнаго краснорѣчія, мы должны сказать слѣдующее: онъ былъ большимъ мастеромъ по части риторическихъ украшеній рѣчи, переполнялъ ее риторическими разсужденіями ¹⁾. Какъ всѣ риторы, онъ могъ писать на какую угодно тему, причемъ индивидуальность описываемаго явленія для подобныхъ риторовъ имѣетъ второстепенное значеніе. Всѣ эти черты можно находить въ сочиненіи Макарія: похвальное слово мученику (турецкаго періода) Пахомію, который самовольно напросился на мученія отъ Турокъ, ибо пожелалъ загладить свой *милый* ²⁾ грѣхъ отступничества отъ Христа. При такихъ свойствахъ духовнаго краснорѣчія Макарія и его преподаванія вліяніе уроковъ Макарія на учениковъ не могло быть вполне благотворно: научаясь виртуозности въ словѣ, они однакожь могли оставаться, какъ проповѣдники, глухими къ живымъ потребностямъ времени и равнодушными къ дѣйствительности и точнымъ фактамъ. Впрочемъ мы должны помнить, что Макарій былъ сынъ своего вѣка—и отрицать значеніе его, какъ преподавателя гомилетики или церковной словесности никакъ не слѣдуетъ. Кромѣ церковной словесности въ программу риторическаго ученія въ школахъ Макарія входило и вообще изученіе риторики и нѣкоторыхъ руководствъ по этой наукѣ; такъ изъ свидѣтельствъ видно, что ученики школы читали и списывали для себя книги Коридаллея и Александра Маврокордата по части риторическихъ познаній ³⁾. Такимъ образомъ, сколько знаемъ, преподаваніе риторики въ Патмосской школѣ временъ Макарія было поставлено довольно прочно.

Нельзя того-же сказать объ изученіи философіи въ той-же школѣ и того же времени. По крайней мѣрѣ мы очень мало знаемъ о томъ, что разумѣлось подъ „философскимъ ученіемъ“ въ школахъ Макарія и какъ оно происходило. Нашъ паломникъ Барскій, сдѣлавшійся ученикомъ Патмосской школы уже по смерти Макарія, по его свидѣтельству, и зучасть, по тѣ

¹⁾ Проф. А. А. Дмигріевскаго Иоанно-Богословскій монастырь на о. Патмосъ „Труды Кіевск. Дух. Академіи“ 1892, т. III, 448

²⁾ Курень принадлежитъ Преосв. Порфирію (Успенскому), слова котораго мы цитируемъ: „Второе путешествіе его по горѣ Леонской“, стр. 361—2 Москва, 1880.

³⁾ Проф. А. А. Дмигріевскаго, стр. 471

руководствомъ преемниковъ Макарія по учительству, такую отрасль философіи, какъ логика ¹⁾). Можно полагать, что преемники Макарія, не отличавшіеся инициативой, преподавали эту науку потому, что такъ было при первомъ основателѣ школы на Патмосѣ. Но какимъ образомъ и, по какимъ книгамъ учились логикѣ—неизвѣстно. Кромѣ изученія логики, ученики школы въ интересахъ ознакомленія съ философіей имѣли въ рукахъ: „толкованіе Александра Маврокордага на одно сочиненіе Аристотеля“ со схоліями самого Макарія ²⁾; это сочиненіе Маврокордата не было напечатано и обращалось въ средѣ учениковъ въ рукописи. О значеніи Маврокордатовъ труда, а также и схолій патмосскаго наставника судить не беремся. Полезнымъ для изучающихъ философію нужна признать и „собраніе“ писемъ Синезія Птолемаискаго, неоплатоническаго философа, а потомъ христіанскаго епископа, (IV и нач. V в.), обращавшееся въ кружкѣ патмосскихъ школяровъ ³⁾. Въ сущности, вотъ и все, что извѣстно о преподаваніи философіи на Патмосѣ при Макаріи. Нашъ Барскій, перечисляя тѣ науки, какія ему пришлось изучать на Патмосѣ, говоритъ, что онъ „прошелъ“ кромѣ логики, еще „полфизикъ“ ⁴⁾. Принимая во вниманіе связь рѣчи, можно съ вѣроятностію думать, что нашъ добровольный патмосскій заточникъ говоритъ здѣсь объ изученіи имъ какой части философіи. Но что именно разумѣетъ онъ подѣ „полфизикой“, объ этомъ можно дѣлать только самыя невѣроятныя догадки. У Теофила Коридаллея было сочиненіе (оставшееся ненапечатаннымъ) подѣ заглавіемъ: „о небѣ и землѣ“ (*κόσμον*). У греческаго же ученаго Завиры оно относится къ философскимъ сочиненіямъ Коридаллея ⁵⁾. Это сочиненіе несомнѣнно извѣстно было Макарію, а отъ него пуцено въ обращеніе и среди его учениковъ ⁶⁾. Не эту ли философскую книгу наряду съ логикой „проходилъ“ въ концѣ курса и Барскій, назвавъ ее въ своемъ дневникѣ мул-

¹⁾ Григоровича-Барскаго, II, 356

²⁾ Проф. Дмитриевскаго Иоанно-богослов. монастырь, 448

³⁾ *Πατὰδ Κρητικῶς Ἱεροσολιτικῆς Βιβλιοθήκης, Τόμ. I. σελ. 430* Петербур 1891

⁴⁾ Томъ II, 356

⁵⁾ *Ζαΐρα Νέα Ἑλλάς*, 315

⁶⁾ Проф. Дмитриевскаго Иоанно-богослов. монастырь, 447

решимъ именемъ „пофизики“¹⁾ Во всякомъ случаѣ упоминаніе Барскаго о „пофизикѣ“ не исключаетъ представленія о вышеупомянутой книгѣ Коридаллея. И съ другой стороны не можетъ возбуждаться сомнѣній и въ томъ отношеніи, что философаго характера книга Коридаллея „о небѣ и землѣ“ была въ употребленіи у патмосскихъ школяровъ какъ при Макаріи, такъ и послѣ него. Что сказать, послѣ вышеприведенныхъ извѣстій о преподаваніи философіи въ школахъ Макарія? Оно было поставлено довольно слабо и не отличалось какой-либо систематичностью.

Но еще въ худшемъ положеніи находилось преподаваніе богословія въ той-же школахъ. Мы, конечно, не должны упускать изъ вниманія того обстоятельства, что наши свѣдѣнія о разсматриваемой школѣ скудны; но и при всей скудости свѣдѣній мы могли бы знать о преподаваніи богословія хотя столько-же, сколько знаемъ объ изученіи здѣсь риторики и философіи, а на повѣрку выходитъ, что наши свѣдѣнія въ данномъ случаѣ сводятся чуть не къ нулю. Отчего это такъ? Ужь не отъ того-ли, что богословіе здѣсь процвѣтало еще менѣе, чѣмъ прочія науки? На основаніи замѣтокъ Барскаго позволительно допускать, что богословское обученіе въ Патмосской школѣ сводилось къ простымъ собесѣдованіямъ учителя съ учениками на религіозныя темы. По крайней мѣрѣ нашъ наблюдательный путешественникъ богословскимъ ученіемъ называетъ именно такого рода бесѣды: такъ, разсказывая о послѣднихъ дняхъ жизни Макарія Патмосскаго, онъ пишетъ: „се чудно, яко до послѣдняго издыханія со многими разеужденіемъ и говѣніемъ нѣкая высокая богословствоваше“²⁾ Къ этимъ богословскимъ собесѣдованіямъ присоединялось еще самостоятельное чтеніе учениками нѣкоторыхъ богословскихъ произведеній древности: напримѣръ, болѣе юбозпательныя и смысленныя принадлежали „тѣчному изложенію Православной вѣры“ Іоанна Дамаскина³⁾ Но, повидимому, такихъ любителей серьезной богословской литературы встрѣчалось немного между учениками даже Макарія.—Нельзя отвергать и того, что болышимъ подспорьемъ для изученія богословія было слушаніе и чтеніе много-

¹⁾ Барскаго II 346

²⁾ *Πολύβ. Κεραιών, Ἱεροσολιτικῆς Βιβλιοθήκης Τόμ. I σελ. 307*

численныхх проповѣдей Макарія, которыя, какъ можно догадываться, произносились до сѣдни поученій въ годѣ. После сѣднѣе сказаннаго о преподаваніи богословія въ школѣ Макарія едвали пужно добавлять, что это преподаваніе столь важнаго предмета не находится на высотѣ своей задачи.

По какому педагогическому методу велось преподаваніе наукъ въ Патмосской школѣ временъ Макарія? Задавъ этотъ вопросъ насъ побудило то обстоятельство, что разсматриваемая школа очень мало походила на строітно-организованную школу не только нашего, но и своего времени. Барскій пишетъ о Макаріи Патмосскомъ: „многихъ хитрости грамматической, иныхъ же философіи, иныхъ же богословіи, иныхъ же мусейійскаго искусства церковнаго иѣнія изучи“ (науцигы) ¹⁾. Изъ этихъ словъ нашего свидѣтеля видно, что въ школѣ не было обязательнаго правила изучать всѣ науки, въ ней преподававшіяся, и переходить изъ одного—низшаго класса въ другой—высшій. Больше всего охотниковъ было учиться грамматикѣ (и риторикѣ): „многихъ хитрости грамматической изучи“; изъ остальныхъ учениковъ, смотря по ихъ желанію и способностямъ, одни изучали философію, другіе богословіе, третьи искусство церковнаго иѣнія. Иѣтъ сомнѣнія, встрѣчались и такія лица, которыя занимались нѣсколькими науками одновременно или послѣдовательно—одною послѣ другой. Школа Макарія, значить, имѣла свободный характеръ, допускала свободу выбора предметовъ для изученія; въ этомъ отношеніи она нѣсколько напоминаетъ такъ называемые музеи древнихъ временъ (Аристотеля, Александрійскій, Плотина) и школы христіанскія первыхъ вѣковъ. Но какимъ же образомъ ученики, имѣя одного учителя (и много: двоихъ, какъ было во второй періодъ дѣятельности Макарія), могли вдругъ учиться многимъ наукамъ? Это секретъ Макаріевой школы; но до этого секрета можно допытаться. Сохранилось одно письмо Макарія, которое достаточно разъясняетъ интересующій насъ вопросъ. Макаріи именуютъ своихъ учениковъ переннечниками или копінстами (*ἀρτιγράφοι*) ²⁾. Съ перваго взгляда такое наименованіе учениковъ кажется страннымъ и неумѣ-

¹⁾ Барскаго, II, 347

²⁾ Πατὰ Κερραιῶν, Ἱεροσολ. Βιβλίον, I 307

снвымъ; но когда мы взглянемъ въ строй Макаріевои школы, тогда поймемъ, что указанное наименованіе вполне соответствуетъ сущности дѣла. Макарій называетъ своихъ учениковъ „перепищиками“, потому что тѣ изъ нихъ, которые обнаруживали способности и усердіе къ изученію высшихъ наукъ, по указанію учителя, списывали для себя руководства и пособія по этимъ наукамъ, и, конечно, переписывая запоминали и заучивали переписываемое. Само собою понятно, что роль учителя имѣла при этомъ большое значеніе: онъ объяснялъ то, чего не понимали ученики при перепискѣ, и провѣрялъ ихъ успѣхи. Дѣло происходило такъ: лучший изъ учениковъ Макарія Іаковъ, бывшій въ то же время помощникомъ его по школьному преподаванію, списывалъ первый, а у него уже списывали прочіе желающіе. Такъ Іаковъ по части риторики списывалъ „изложеніе риторическихъ правилъ“, сочиненіе самого Макарія, а также руководства по риторикѣ же Коридалдея и А. Маврокордата; онъ же переписывалъ письма Спезіа философа, вѣроятно, какъ пѣкотораго рода пособіе къ усвоенію философіи: навѣрное онъ списалъ же и „толкованіе“ Маврокордата на одно сочиненіе Аристотеля, такъ какъ это толкованіе имѣло руководственное значеніе при преподаваніи философіи въ данной школѣ; Іаковъ даже прилежно работалъ надъ извѣстной богословскои книгой Дамаскина: судя потому, что эта работа мѣшала ему отправиться въ путешествіе по морю, нужно думать, что въ нашемъ источникѣ рѣчь идетъ не о чтеніи книги (что можно дѣлать и въ дорогѣ), а о перепискѣ ея: наконецъ тотъ-же Іаковъ переписываетъ какія-то сочиненія извѣстнаго полемиста противъ напства (XVI в.)—Георгія Корессія ¹⁾ Большая часть вышеназванныхъ руководствъ была обогащена сціями и толкованіями самого Макарія и тѣмъ приобрѣтала особенную важность въ глазахъ учениковъ. Въ историческихъ извѣстіяхъ Іаковъ представляется главнымъ писателемъ цужныхъ въ школѣ руководствъ, рекомендованныхъ самимъ Макаріемъ: у этого перваго кописта уроковъ, уже потомъ, во дни же Макарія, списывали ихъ прочіе ученики, почему эти послѣдшіе и называются въ одномъ документѣ (письмѣ Ма-

¹⁾ Videm, *σελ* 418 19 219 430 307

карія) „перенесчниками уроковъ дидаскала Іакова“ ¹⁾. Если мы укажемъ еще одну черту, характеризующую порядки Макаріевой школы, то исчерпаемъ все, что нужно сказать по этой части. Книги списывались учениками и конечно до извѣстной степени усвоялись ихъ памятью; но основательно изученнымъ руководство считалось, повидимому, только тогда, когда оно твердо заучивалось наизусть. Нашъ патомникъ, Барскій, принадлежалъ къ прилежнѣйшимъ ученикамъ Патмосской школы, однакожъ не могъ одолѣть риторики: „риторику же я оставить — говорить опъ — слабои ради моеи памяти“ ²⁾. Очевидно зубреніе составляло одну изъ принадлежностей школьнаго метода на Патмосѣ. Правда, нашъ Барскій учился не у самого Макарія, но мы думаемъ, что школьные порядки времени основателя училища хранились въ этомъ послѣднемъ, какъ святыня.

Посмотримъ теперь: какихъ успѣховъ достигала школа Макарія въ тѣхъ наукахъ, какія преподавались и изучались здѣсь. Какъ намъ кажется, нужно считать достовѣрнымъ фактомъ то, что грамматическое преподаваніе въ этой школѣ приносило полезныя плоды. Такъ одинъ изъ учениковъ Патмосской школы, много разъ упомянутый нами, Іаковъ, по рекомендаціи Макарія, приглашенный на должность учителя „грамматическихъ наукъ“, съ успѣхомъ проходилъ эту должность сначала въ одномъ, а потомъ въ другомъ мѣстѣ Агіохійскаго и Іерусалимскаго патріархатовъ ³⁾. Нашъ Барскій, еще оставаясь на ученической скамьѣ Патмосской школы, сочинилъ, по его словамъ, грамматику латино-греческую, „съ расположеніемъ необычнымъ, но удобопонятнымъ“, т. е. грамматику оригинальнаго характера. Главная ея оригинальность состояла въ томъ, что правила были изложены на греческомъ языкѣ, а примѣры на языкѣ латинскомъ. Назначеніемъ ея было пособить Грекамъ учиться латинскому языку ⁴⁾. Разумѣется, составлять грамматику чуждаго языка можетъ только ученикъ, прошецшій хорошую грамматическую школу. При этомъ случаѣ, опять повторимъ,

¹⁾ Ibidem, 307

²⁾ Барскаго, II, 356

³⁾ *Παπὸς Κερκυρῶν, Ἱεροσολ. Βεθλὴθ Γῶν* III, σελ. 291 Петерб., 1897
Барскаго, II, 354

что дѣлая заключеніе отъ времени ученія Барскаго ко времени руководства школой Макарія, мы не совершаемъ большаго грѣха. Можно бы утверждать, что паравиль съ грамматикой въ школѣ Макарія приносила добрые плоды и риторика ¹⁾; но подобное утвержденіе не легко подкрѣпить соответствующими фактами. Можно догадываться, что школа, поставивъ себѣ цѣлю въ изученіи риторики готовить первѣе всего іерокриковъ (священно-проповѣдниковъ) какъ приходскихъ, такъ и странствующихъ (а такихъ іерокриковъ имѣла и теперь имѣетъ греческая церковь), въ значительной степени достигала своей цѣли. Что касается философіи и богословія, то болѣе, чѣмъ сомнительно, чтобы преподаваніе этихъ наукъ ознаменовывалось осязательными успѣхами въ жизни питомцевъ Макаріевой школы. Все дѣло вѣроятно, ограничивалось нѣкоторымъ индивидуальнымъ поднятіемъ уровня развитія учениковъ Макарія.

Слѣдуетъ подвести итогъ нашимъ разсужденіямъ о научныхъ успѣхахъ, оказанныхъ Патмосской школой времени Макарія. Но это сдѣлать не трудно. Намъ поможетъ сказать истинную правду никто другой, какъ самъ Макарій, довѣрять свидѣтельству котораго мы имѣемъ все основанія. До насъ сохранилось одно письмо основателя Патмосской школы къ высшему антиохійскому іерарху. А въ этомъ письмѣ вотъ что говорится: „да будетъ извѣстно, что безплодныи этотъ островъ не произраститъ и не произраститъ (*οὐτε βλάσθησει*) ни скакаловъ (т. е. людей вопль свѣдущихъ въ наукахъ), но немощи (*ἀπορία*) учащаго (такъ здѣсь Макарій аттестуетъ самого себя), а только *едва* лишь перешпечиковъ наукъ“.. Затѣмъ, указавъ на извѣстнаго уже намъ ученика своего Іакова, какъ на лучшаго и надежнѣйшаго изъ питомцевъ Патмосской школы, скромный учитель этой послѣдней пишетъ далѣе: „есть (у меня) и другіе... перешпечики наукъ, которые имѣютъ нѣкоторыя познанія изъ наукъ первоначальныхъ (*μικρὰν τῶν ἐγκυκλίων*) и немножко изъ философіи“ ²⁾ Вотъ чуждыи всякаго тщеславія аттестатъ, выданный Макаріемъ самому себѣ, школѣ и ея ученикамъ для свидѣнія истинности въ исторіи.

¹⁾ Проф. Дмитриевского, въ вышеуказан. сочиненіи, стр. 471

²⁾ *Πιστὸς Κρητικὸς Γάμ* 1, 307. Переводъ письма см. также у проф. Дмитриевского, 472 - 473

Такимъ образомъ, хотя нашъ соотечественникъ Григорьевичъ-Барскій, по чувству благодарнаго ученика Патмосской школы и величаетъ эту школу, поскольку она выросла и зацвѣла во дни Макарія, своего рода *Донниами*, говоря: „оное училище Грекомъ бѣднимъ вмѣсто оныхъ древнихъ Аѳинъ есть“¹⁾, по совокупности пѣвѣстій, выше нами указанныхъ, не доказываетъ, чтобы Патмосъ, хоть мало, могъ соперничать съ дѣйствительными Аѳинами древности, да и пишетъ Барскій эту витійственную фразу съ чуждыхъ словъ, со словъ Грековъ, очень хорошо умѣющихъ, какъ извѣстно, дѣлать изъ мухи слона. Патмосская школа Макарія давала скорѣе домашнее образованіе своимъ ученикамъ, чѣмъ строго-опредѣленное школьное. Макарій безъ всякихъ претензій училъ тому, что самъ зналъ, нашлись любители уединенія и науки, которые охотно стали слушать его, и вотъ создалась „академія“.

Если за что въ особенности мы должны быть благодарны нашему Барскому, какъ исторнику Патмосской школы, въ которой онъ учился, такъ это за описаніе имъ личности основателя школы и ея перваго наставника—Макарія. Пусть Барскій пишетъ не столько на основаніи своихъ наблюденій, сколько на основаніи показаній лицъ знавшихъ Макарія, тѣмъ не менѣе цѣнность свѣдѣній описателя отъ этого не убавляется. Нашъ паломникъ отмѣчаетъ быстроту и находчивость ума Макаріева (его „бисгроуміе“); онъ указываетъ, что единственное богатство Макарія состояло изъ его библіотека, т. е. то, что наиболѣе нужно для человѣка, преданнаго наукѣ; самъ любя науку, онъ всячески старался привлечь къ занятію ею и другихъ. При первомъ же свиданіи съ Барскимъ Макарій совѣтовалъ ему покинуть все его планы и остаться на Патмосѣ въ интересахъ науки („поклоненія ради святаго мѣста пришедшу совѣтова мѣтъ, да оставлю все страствованіе и да приложуся къ ученію естествоскому“ въ его школѣ). — и если Барскій не послѣдуетъ этому совѣту въ свое время, но послѣ откровенно сознавался, что онъ промѣняетъ лучшее на худшее. Макарій былъ человѣкъ идеи—это-го и влекло къ нему столь многихъ. Онъ жилъ мыслію о пользѣ ближняго („но пользуй многихъ“).

¹⁾ Барскаго II, 189

по выраженію Барскаго) Преподаваніе его было совершенно безвозмездное, т. е. ученики ничего не платили ему за обученіе, и такъ продолжалось около 25 лѣтъ. Привязанность его къ наукѣ и школѣ была такъ сильна, что онъ не только не посѣщать своихъ кровныхъ родныхъ, жившихъ на Патмосѣ же, но не считалъ нужнымъ отдать имъ т. н. послѣдній долгъ, когда онъ узналъ о ихъ кончинѣ. Живое дѣло настолько поглощало его, что онъ забылъ обо всемъ на свѣтѣ. Кромѣ школы онъ зналъ еще дорогу только въ храмъ. Въ храмъ ежедневно онъ участвовалъ въ богослуженіи и своимъ одушевленнымъ чтеніемъ и пѣніемъ умѣлъ разстрогать сердца. Столь же большое вліяніе оказывали его проповѣди, которыя онъ произносилъ замѣчательно часто. Его церковныя поученія пробуждали въ душахъ грѣшниковъ чувство покаянія. Его личная жизнь представляла образецъ воздержанія и совершенства; почему все знавшіе его считали его человѣкомъ святымъ ¹⁾. Вотъ мужъ достойный памяти исторіи ²⁾!

¹⁾ Ibidem. 187—190 345—347

²⁾ Въ греческой литературѣ нельзя встрѣчать ничего подобнаго той характеристикѣ Макарія, какую даетъ намъ русскій талантливый писатель Барскій Греческій біографъ Макарія, наставникъ букарештской школы Александръ Тыршовскій (1711—1761 г.), ученикъ Макарія, въ его характеристикѣ основателя Патмосской школы, пишетъ какой-то немнѣстный академикъ. Напримѣръ

*Τὸν βίον αὐτοῦ τὸν ἰπὲρ ἀνθρώπων καὶ ἰσάγγελον,
τὸ περὶ τὴν ἐγκράτειαν ἀπαράμιλλον,
τὸ ἐν ἀρεταῖς παννύχιον,
τὸ πρὸς τοῖς πάντας φιλόστοργον,
τὸ ἐν ταπεινότητι χριστομίμνητον
τὸ ἐν προσηχαῖς σύντομον.
τὸν εἰς τὰ θεῖα ζῆλον,
εἰν τῆς σοφῆς καθαρότητι,
τὸ ἐν πᾶσι νηφάλιον.
τὸ ἐν λόγοις ἰνυλίον.*

τὸ ἐν ἔργοις θαυμάσιον γ' ἰ (Sathas, Bibliotheca Graeca mediaevi, том III, p. 506 Венеція, 1872) Другой греческій писатель Кесарій Дашонге (XVIII в.) въ своемъ „историческомъ катагогѣ мужей знаменитыхъ“, говоря о Макаріи, болѣе услаждается своимъ краснорѣчіемъ и остроуміемъ, чѣмъ описываетъ эту историческую личность (ibid., p. 128) Кстати сказать, что проф. А. А. Дмитриевскій, перечисляя источники для жизнеописанія Макарія по какой-то неопытной причинѣ смѣшиваетъ писателя Дашонге съ церковъ историкомъ Макреемъ (Δωδύκω-βλασίου μο-

мы имѣли случай упомянуть раньше. Макаріи скончался 1737 года (въ сред. января) Болѣзнь Макаріа, закончившаяся его смертію, длилась дней сорокъ, и на все это время правильнѣй порядокъ школьныхъ занятій прервался, ученики—по выраженію Барскаго — „празноваху кромѣ ученія“ (оставались безъ ученія). Глубокая скорбь наполнила сердца не только учениковъ Патмосской школы, но и жителей острова. Время для учениковъ проходило въ томъ, что они пѣли „параклиси“ за здравіе болящаго ¹⁾. Но надеждамъ ихъ не суждено было исполниться. Макаріи на вѣки оставилъ спротивующую безъ него школу.

За этимъ великимъ бѣдствіемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ несчастій, надорвавшихъ значеніе школы. Можно сказать, что по смерти Макаріа школа все болѣе и болѣе падала. Правда, число учениковъ въ ней иногда доходило до 200 человекъ, но вся сила каждой школы не въ числѣ учащихся, а въ достоинствѣ наставниковъ и преподаванія, между тѣмъ ни преемники Макаріа по учительству, ни ихъ преподаваніе не превосходили уровня посредственности. — Первымъ преемникомъ Макаріа по учительской должности былъ іеромонахъ Герасимъ, извѣстный съ именемъ византийца. Этотъ учитель былъ человекъ крайне болѣзненный и почти все время болѣлъ и лечился. Герасимъ былъ ученикомъ Макаріа и получилъ свое образованіе исключительно подъ руководствомъ постѣдняго. Слишкомъ 12 лѣтъ онъ оставался при Макаріи и сдѣлался помощникомъ его въ преподаваніи наукъ. Барскіи были высокаго мнѣнія о познаніяхъ

наст., стр. 437, прим.) Третій греческій писатель Димитрій Прокопій (XVIII в.) въ своемъ сочиненіи: „О ученыхъ Грекахъ“, хотя и пишетъ болѣе правдивую характеристику Макаріа, чѣмъ двое вышеупомянутыхъ писателей, но, къ сожалѣнію, свѣдѣнія, сообщаемыя Прокопіемъ, очень кратки; да и къ тому онъ, кажется, могъ бы обойтись безъ такихъ излишнихъ эпитетовъ по отношенію къ Макарію, какъ: *σοφός* и *πεπεδευμένος τὴν θύραθεν φιλοσοφίαν* (ibid, p. 501). О четвертомъ же греческомъ писателѣ Ефремѣ Авіляннѣ (тоже XVIII-го вѣка) и упоминаетъ два и стоитъ. Онъ говоритъ о Макаріи въ предисловіи къ изданной имъ „риторикѣ“ этого патмосскаго учителя, и говоритъ такъ, какъ обыкновенно говорятъ издатели, рекламируя товаръ. По словамъ Ефрема Макаріи бытъ такъ ученъ „какъ никто другой“ Дальше этого, конечно, не можетъ проси-
раться и реклама (*Σάβα Νεοελληνικὴ φιλολογοῦς Βιογραφίαι σελ. 440*)

¹⁾ Барскаго, II. 345—346

Герасима; въ особенності восхваляетъ его за „грамматическое искусство“; но если это и справедливо, то во всякомъ случаѣ новый учитель Патмосской школы не блистаетъ умственными способностями, ибо нашъ „историкъ“ (какъ именуетъ себя Барскій) не скрываетъ, что Герасиму трудно давалась наука. „Сіе же онъ приобрѣте себѣ—говоритъ Барскій—не отъ бистроты естественной, но отъ великаго прилежанія, ибо трудолюбивъ бѣше“. Патмосскіе ученики возлагали большія надежды на новаго учителя, и въ этомъ находили себѣ утѣшеніе въ потерѣ опытнаго и искуснаго наставника, т. е. Макарія. Но ожиданія учениковъ нисколько не оправдались. Герасимъ открылъ грамматическій курсъ и началъ излагать что-то по философіи, но преподаваніе не пошло обычнымъ заведеннымъ порядкомъ. Шестъ мѣсяцевъ еще могъ протянуть свою учительскую должность Герасимъ, да и то не очень аккуратно: болѣзнь его все усиливалась и усиливалась. Наконецъ, онъ изнемогъ подъ ея тяжестію и прекратилъ уроки. Барскій, впрочемъ, остался очень благодарнымъ этому учителю и за то, что онъ успѣлъ сдѣлать для школы,—ибо онъ—по свидѣтельству Барскаго—„збѣло изрядно научаше“. Герасимъ не только прекратилъ уроки, но и совсѣмъ покинулъ островъ, предоставивъ учениковъ на произволъ судьбы. Онъ уѣхалъ лечиться въ Смирну и по необъяснимой причинѣ захватилъ съ собою еще и нѣкоего монаха Василя, который могъ бы хоть сколько-нибудь замѣнить болящаго учителя, и который дѣйствительно впоследствии сдѣлался преемникомъ Герасима по должности преподавателя. Учитель уѣхалъ, и въ школѣ остались ученики да книги. Печальное положеніе школы! И такъ продолжалось цѣлый годъ. Правда, Герасимъ вмѣсто себя водворилъ какого-то, по выраженію Барскаго „приставника“ (и это въ такъ называемой Академіи?), которому поручено было заниматься наукой съ новичками; но понятно, къ какимъ послѣдствіямъ это повело. Нѣкоторые изъ учениковъ, пребывавшихъ здѣсь съ цѣлію изучать высшій курсъ наукъ, не желая тратить попусту время, разбрелсь въ „ишы страны“ и такихъ, конечно, было не мало. Школа начала пустѣть. Но вотъ по истеченіи года возвратился изъ Смирны Герасимъ, но возвратился еще болѣе хворымъ, чѣмъ какимъ уѣхалъ туда. Впрочемъ, хотя чрезъ силу, онъ пришлось опять за

преподаваніе, по его энергіи хватило лишь на „малое время“. Измученный болѣзнію, Герасимъ окончательно бросаетъ школу и уѣзжаетъ въ этотъ разъ на о. Критъ въ надеждѣ найтн тамъ исцѣленіе отъ болѣзни—но вмѣсто исцѣленія онъ нашелъ себѣ тамъ преждевременную смерть ¹⁾ († 1740 г.).

Дѣла въ Патмосской школѣ пошли еще хуже. Учителемъ въ школѣ по отъѣздѣ Герасима въ Критъ сдѣлался монахъ Василій Куталиносъ, ученикъ Макарія и Герасима, не имѣвшій никакого значенія въ глазахъ учениковъ. Барскій замѣчаетъ о немъ, что онъ былъ „искусенъ въ художествѣ Флешскихъ ученій“, но затѣмъ не сообщаетъ никакихъ извѣстій, изъ которыхъ можно было сдѣлать благоприятный выводъ о достоинствахъ Герасимова преемника. Да какъ увидимъ вѣостѣдствіи и въ самомъ дѣлѣ хвалить Василія Куталиноса было не за что. Назначеніе Куталиноса на должность наставника въ школѣ произвело удручающее впечатлѣніе. Постѣдовало неудержимое бѣгство учениковъ съ Патмоса. Многіе уѣхали „во свояси“: „разбѣгшася яко овцы, оставшіеся пастыря“ (по замѣчанію Барскаго). Барскій впрочемъ не увлекся въ этомъ случаѣ примѣромъ своихъ соотечественцевъ. Онъ остался въ школѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими скромными любителями наукъ; но таковыхъ, считая въ томъ числѣ и нашего соотечественника, было немного болѣе 12 человекъ. Были времена—школа имѣла сотню учениковъ, но эти времена прошли. Удержавшіеся отъ бѣгства ученики принялись за науку. „Азъ же прилежахъ, елико же можахъ“, говоритъ о себѣ при этомъ случаѣ Барскій: то-же, конечно, дѣлали и другіе. Но не даромъ говорится, что бѣда не приходитъ одна. Лишь только наладилось ученіе въ школѣ при новомъ учителѣ, какъ пришлось прервать его. Въ 1740 году островъ постигла страшная гостыя — моровая язва—и „лучшице затворися“, школа закрылась. Шестъ мѣсяцевъ дѣлала свое дѣло губительная болѣзнь и потомъ утихла. Но не совсѣмъ прошла. Вторично проявилось это „губительство“ на островѣ, къ счастью, на короткое время. Все это мѣшало школѣ правильно вести свое дѣло. Но дѣло не остановилось ²⁾ Барскій и его товарищи стойко выдержали это

¹⁾ Тамъ-же, II, 347—348, 350—351 *Σάθου Νεοελλην γιλολογία, σελ 600*

²⁾ Барскаго, II, 351—2, 354 *Σάθου Νεοελλην γιλολογία, σελ 600*

несчастіе, по крайней мѣрѣ нашъ паломникъ не говоритъ, чтобы число учениковъ еще уменьшилось по сравненію съ тѣмъ, какое было въ началѣ открытія курса наукъ при учителѣ Василіи ¹⁾. Во всякомъ случаѣ начался вялый періодъ въ жизни школы и продолжался онъ во все время единоличнаго учительствованія Василія—почти 30 лѣтъ ²⁾. Нашъ соотечественникъ Барскій разлучился со школою Патмосскою въ 1743 году. Уѣхалъ онъ съ Патмоса, прекратился и дневникъ его, сообщающій такъ много интереснаго объ изучаемой нами школѣ—а съ этимъ мы лишились наблюдательнаго и неподкупнаго свидѣтеля историческихъ фактовъ, касающихся той-же школы.

Разставаясь съ Григоровичемъ-Барскимъ, скажемъ нѣсколько словъ о школьныхъ его годахъ, проведенныхъ на о. Патмосѣ. Это дастъ намъ возможность нѣсколько познакомиться съ бытомъ учениковъ Патмосской школы, о чемъ еще у насъ не было рѣчи. Барскій провелъ на Патмосѣ много времени, именно „шесть лѣтъ и 4 мѣсяца“ (или даже больше) ³⁾. Но не все это время на самомъ дѣлѣ прошло въ изученіи наукъ, часть его по разнымъ обстоятельствамъ, о которыхъ мы уже упоминали (голичное странствованіе учителя Герасима, двукратная чума), прошла безъ пользы. Всего на занятіе наукой Барскимъ употреблено по его вычисленію 4 года съ половиною ⁴⁾. Впрочемъ шкода онъ не оставался безъ дѣла. Такъ въ годичное отсутствіе учителя Герасима онъ переписывалъ для себя какія-то секстерны. А въ теченіе чумы онъ составилъ латинско-греческую грамматику, о которой уже было говорено раньше. Находясь на островѣ, Барскій прошелъ курсъ „еллинско-греческой“ грамматики, логику и то, что онъ называетъ „подфизикой“ ⁵⁾ Больше всего доволенъ Барскій своими успѣхами по части „еллинско-греческой“ грамматики. Но этимъ онъ былъ обязанъ не столько

¹⁾ Вопреки мнѣнію проф. А. А. Дмитриевскаго, состоящаго въ дѣлѣ-зачетѣ въ проливѣ на свидѣтельство историка Магрея, который однакожъ не описываетъ сороковыхъ годовъ XVIII-го вѣка греческой церкви. „Іоанно-богословъ монахъ“, 454 Спб. Барскаго, II, 361

²⁾ Проф. Дмитриевскаго, тамъ-же

³⁾ Барскаго, II, 352 сл. 360—361

⁴⁾ Тамъ-же, 352

⁵⁾ Тамъ-же, 350—351—354

школѣ и учителямъ, сколько самому себѣ и своей прелюбимейшей подготовкѣ: „въ семь мнѣ помоществова латинское поученіе—говоритъ онъ,—егоже еще въ отечествѣ издѣтства получахъ“ ¹⁾. Началь Барскій изученіе курса наукъ греческимъ языкомъ, которымъ онъ занимался особенно усердно, и кончилъ полфизикою (или какъ онъ иначе выражается: „полфизикей“). Повидному, ему не удалось довести изученіе этой науки до возможнаго совершенства за поспѣшнымъ отъѣздомъ съ острова ²⁾. Учился же Барскій въ Патмосской школѣ все время учительствованія Герасима (1737—1738 г.), а затѣмъ въ первые годы управленія Василія Куталинуса школою. О Герасимѣ Барскій вспоминаетъ съ признательностію не только потому, что наставникъ былъ многосвѣдущъ, очень добръ и ласковъ, но и потому еще, что онъ отличался замѣчательною любовію къ русскому народу ³⁾ (дѣйствительно, рѣдкость между Греками!). О другомъ учителѣ—Василіи Барскій воздерживается дѣлать какіе—либо отзывы. очевидно, онъ не былъ въ восторгѣ отъ него, какъ не были довольны имъ и другіе ученики школы — Можно догадываться, что и преемники іеродидаскала (какъ иногда называютъ его наши исторички) Макарія придерживались того же основнаго педагогическаго метода, какой практиковался при этомъ основателѣ школы. Именно ученики были „перевѣщниками“ преподаваемыхъ уроковъ. Такъ, по словамъ Барскаго, во время чумы онъ занялся сочиненіемъ грамматики, единственно потому, что у него не было подъ руками настоящаго школьнаго дѣла („не имущи что предъуготовленно къ писанію“ ⁴⁾, то есть для списыванія). Жить Барскому пришлось сначала не въ училищномъ зданіи, при монастырѣ, а въ городѣ, но потомъ онъ переехалъ въ самое училище ⁵⁾. Когда онъ прибылъ на Патмосъ и когда еще живъ былъ Макарій, учениковъ было такъ много, что нашему патмичку не оказалось мѣста въ училищномъ корпусѣ. Поэтому, онъ

¹⁾ Тамъ-же, 356

²⁾ Тамъ-же, 359

³⁾ Тамъ-же, 350—351

⁴⁾ Тамъ-же, 354

⁵⁾ Тамъ-же, 358. Время проведенное Барскимъ въ дѣлѣ училища и шъ его, онъ опредѣляетъ такъ: „въ училищѣ явственновахъ полгредъ годъ, погредъ бо годъ во градѣ сіе не въ училищѣ школы“

помѣстился очень неудобно—въ городѣ на какой-го высокой скалѣ („на горѣ, въ градѣ“) на разстояніи версты отъ училища, въ которое отсюда вѣлъ каменный путь, неудобный въ случаѣ какъ спуска, такъ и восхожденія ¹⁾). А хуже всего была „домецъ“, въ которомъ пришлось здѣсь жить Барскому. Домецъ этотъ былъ тѣсенъ, глубоко уходилъ въ землю, не имѣлъ ни окна и никакого отверстія кромѣ двери. Полагать можно, что этой квартирой Барскаго снабдилъ Иоанно-богословскій монастырь, возлѣ стѣны котораго она и помѣщалась. И въ этой-то ужасной дырѣ пришлось ему провести все время моровой язвы — и притомъ почти безвыходно. Подлинно только милость Божія спасла его отъ неминуемой гибели во время смертоноснаго повѣтрія. Описывая свою крайне тяжелую и окруженную опасностями жизнь въ вышеуказанномъ „домцѣ“, Барскій говоритъ: „благодарю безмѣрное милосердіе Божіе, яко сохрани мя жива всемошною своею силою ²⁾“. Къ счастью для нашего соотечественника, по совершенномъ прекращеніи чумы, онъ переведенъ былъ на житьельство въ училищное зданіе. Сначала, въ первые годы открытія школы, при Макаріи, она помѣщалась въ одномъ скитѣ при Иоанно-богословскомъ монастырѣ и занимала девять небольшихъ келлій; весь скитъ былъ окруженъ высокою стѣною въ 3 сажени и имѣлъ двое узкихъ воротъ. Но потомъ, при Макаріи же (въ 1729 г.) училище получило значительный просторъ. Нашелся одинъ константинопольскій богатый купецъ (Манолаки), который недалеко отъ вышеуказаннаго школьнаго помѣщенія построилъ новый училищный корпусъ „на подобіе монастырца“; здѣсь устроены были классныя комнаты и шестнадцать келлій для житьельства учениковъ ³⁾). Старое и новое зданія школы составили одно цѣлое—длинное училище. Съ теченіемъ времени Барскій помѣстился въ этомъ новомъ зданіи—„на подобіе монастырца“. Нужно думать, что въ школьномъ зданіи онъ былъ довольно помѣщеніемъ. Впрочемъ Барскій ничего не говоритъ объ условіяхъ жизни въ конвиктѣ. Одно можно утверждать, что школа давала ученикамъ только уголь, самія

¹⁾ Тамъ-же, 350

²⁾ Тамъ-же, 353—354

³⁾ Тамъ-же, 188, 158

сѣбы, а больше ничего. Барскій во все время пребыванія на островѣ питался милостынею, даваемою отъ монастыря Милостыня эта была очень скудна. На недѣлю ему выдавалось пять маленькихъ хлѣбцовъ „малихъ акн булокъ“ и притомъ пшениаго качества—„чернихъ“. Больше же ничего. Такіе хлѣбцы доставлялись ему и въ теченіе моровой язвы. Само собой понятно, что на такой пищѣ можно было съ голоду помереть. Но какъ извѣстно, роль на выдумки хитра. Поэтому, Барскій началъ давать уроки для того, чтобы добыть себѣ еще хлѣба и прочаго, что необходимо нужно, подобно тому, какъ дѣлають студенты нашихъ большихъ городовъ. Онъ сталъ учить мальцовъ церковному чтенію по-гречески, а также греческой грамматикѣ. Такіхъ маленькихъ учениковъ училось у него по двое—по трое. Но этотъ родъ самопомощи мало обезпечивалъ русскаго самоотверженнаго человѣка. Родители его учениковъ часто обманивали Барскаго и не платили ему условленной платы: „родители ихъ безсовѣстни не дадоша никакойо мзды“. Въ первое время перебивало у Барскаго 10 учениковъ, и только за гроихъ изъ нихъ онъ получилъ вознагражденіе отъ родителей. Хороши же были жители острова! Ни святость мѣста (по преданію Іоаннъ Богословъ, какъ извѣстно, на Патмосѣ написалъ Апокалипсисъ и здѣсь же претерпѣлъ подвигъ неповѣдничества), ни нищета иностранца, проживавшаго на дальней чужбинѣ безъ родныхъ и знакомыхъ, ни таланты учителя („многихъ изучихъ чтенія и писанія“ говоритъ о себѣ нашъ соотечественникъ)—ничто не помогло бѣдному скитальцу. Барскій вздумалъ было жаловаться начальству острова на своихъ должниковъ,—но изъ этого ничего не вышло. На Патмосѣ царило самоволіе,—и тутъ-то нашему грекофилу пришлось пожалѣть, что нѣтъ на островѣ законной власти, т. е. турецкой. По его словамъ, самоуправство островитянъ происходило именно вельдетвіе этой причины: „попече не имуть Турка надъ главою“ (sic!). Особешно тревожило и возмущало Барскаго то, что Патмоскіе священники были не только не лучше мірянъ, но даже несравненно хуже. Міряне только не платили денегъ, а священники—мало того обманивали—да кромѣ еще дѣлали непріятности скромному учителю. Такъ одинъ священникъ не удовольствовался тѣмъ, что не запланить Барскому денегъ за обученіе своего сына, въ добавокъ

еще неистово обругать голодавшаго чужестранца „Не точію не даде мнѣ мзди, но и обезчести мя таковыми злословными словеси, яковыхъ азъ—признается Барскій — отъ рожденія моего не слышахъ“. Дѣло и на этомъ не кончилось: неблагодарный греческій священникъ въ теченіе цѣлаго года преслѣдовалъ несчастнаго молодого человѣка различными клеветами. Другой примѣръ въ томъ же родѣ. „Синъ пона изучився отъ мене писанія — повѣствуетъ потерпѣвшій — убѣже безъ благодаренія. Отецъ же его не точію не даде мнѣ за труды ничтоже, но и враждова на мя многое время“. Счастливѣе былъ Барскій по части учениковъ въ послѣдніе годы пребыванія своего на Патмосѣ Онъ давалъ уроки двумъ мальчикамъ—братьямъ, родомъ изъ Смирны Отецъ этихъ пришельцевъ хвалилъ его и благодарилъ учителя самымъ дѣломъ¹⁾. Одинъ ли Барскій изъ числа школяровъ зарабатывалъ себѣ деньги уроками—неизвѣстно Но это очень вѣроятно, ибо по словамъ Барскаго въ средѣ учениковъ Патмосской школы было не мало и „убогихъ“²⁾, т. е. бѣдняковъ. Судя по тому, что рассказываетъ о себѣ нашъ соотечественникъ, непривлекательнымъ представляется бытъ патмосскихъ школяровъ, но крайней мѣрѣ немощныхъ, а такихъ, какъ извѣстно, въ училищахъ всегда бываетъ больше, чѣмъ и мощныхъ. Самъ же Барскій пишетъ, что онъ проводилъ жизнь на Патмосѣ въ „лищетѣ“ и свое пребываніе здѣсь называетъ прискорбнымъ и многоскорбнымъ³⁾.

Доскажемъ прерванную нами исторію Патмосской школы. Третій учитель ея, Василій Куталиносъ, въ теченіе первыхъ 30-ти лѣтъ управленія и преподаванія въ ней довелъ ее до сущаго банкротства во всѣхъ отношеніяхъ. И не кому было обратитъ на положеніе дѣлъ школы хоть какое-нибудь вниманіе. Конецъ безцвѣтному положенію школы положилъ энергическій патріархъ Константинопольскій Самуилъ и его преемникъ Θεодосій II (1763—1773 г.). Они изобличили безуспѣшность преподаванія и общее паденіе о школы Василія Куталиноса⁴⁾. Въ 1769 году въ школу призванъ былъ

¹⁾ Тамъ-же, 355—356

²⁾ Тамъ-же, 188

³⁾ Тамъ-же, 356—359

⁴⁾ Къ обстоятельствамъ принадлежащимъ ко времени управленія школою Василія Куталиноса и заслуживающимъ упоминанія, относится слѣ-

второй учитель—монахъ Даниилъ Керамевъ, который сталъ вести школьное дѣло вмѣстѣ съ Василіемъ Въ школу снова стали стекаться юноши, жаждущіе просвѣщенія — и такихъ набралось болѣе 200 человекъ. Этимъ школа обязана исключительно способностямъ и дѣятельности Даниила Керамева. Но его преподаваніе наукъ было, кажется, не безъ тѣневыхъ сторонъ. „Альфой и Омегой“ его грамматическаго курса была старинная грамматика Θεοδωρα Газа „совершенно непонятная“ (совершенно непонятная!) ¹⁾. Дѣйствительно, эта грамматика представляла собой что-то очень странное и дикое. Неофитъ Кавсокаливитъ (XVIII в.) долженъ былъ написать на нее комментарий, занявшій 1000 страницъ ²⁾. Какой уче-

дующее: въ 1745 г. Константинопольскій патріархъ Паисій выдалъ синодальную грамоту, изъ которой узнаемъ, что представители цеха мящиковъ (такой цехъ дѣйствительно существуетъ) собрали капитала въ 3500 гроней, съ тѣмъ, чтобы проценты съ него шли на воспитаніе бѣднѣйшимъ ученикамъ Патмоской школы (*Γεθών Χρονικά τῆς λατινικῆς Ἀκιδίης*, 229). Любопытно знать: великъ ли это капиталъ? Греческій грошъ (*τὸ χρόσιον*) значитъ пиастръ, а пиастръ равняется нашимъ копейкамъ семи А если такъ, то выходитъ, что константинопольскіе греки коммерсанты не особенно расщедрившись, дѣлая пожертвованіе на Патмосскую школу. Подтверженіе этого нашего вѣянія, можно находить какъ въ томъ, что, наприм., проф. Е. Е. Голубинскій 1000 грошей считаетъ равнымъ нашимъ 55 р. 50 к. (Очеркъ исторіи просвѣщенія у Грековъ „Правосл. Обзоръ“, 1872, т. I, 723), такъ и въ томъ, что ученый Константинопольскій патріархъ Константиій I жалованье „въ 200 грошей имѣнуетъ „несчастными грошами“ (рѣчь идетъ о XVII-мъ вѣкѣ, когда деньги были дороже генерешняго времени *ἄθρα*, 377). На этомъ и можно было бы покончить съ вопросомъ. Но насъ смущаеетъ греческій историкъ Гедонъ, который неизвѣстно на какихъ основаніяхъ дѣлываетъ стариннаго гроша подлиннаго, чуть не до пяти франковъ (см. вышеуказанное сочиненіе, 151). Вѣрныи это счетъ или же греко-патріотическій, геоближній (рѣчь у него идетъ о пожертвованіи Маврокордата)? Тотъ же Гедонъ, генерешній греческій грошъ считаетъ равнымъ одной пятой франка съ чѣмъ-то (книга его: *Χρονικά α τ λ* стоящая 15 грошей, по его же объявленію, предается за $3\frac{1}{2}$ франка). Въ виду всего вышеуказаннаго, мы недоумѣваемъ: можно ли капитала въ 3500 грошей признавать скольконибудь важнымъ пожертвованіемъ, а равно имѣли ли право Греки именовать Патмосскую школу напыщеннымъ названіемъ „общаго созданія всего (греческаго) народа“ (см. у проф. Димитріевскаго „Іоанно-богосетъ монастырь“, стр. 442, примѣч. 3)?

¹⁾ Проф. А. А. Дмитріевскаго „Іоанно-богосетъ монастырь“ 451 — 450, 460 — 461.

²⁾ *ἄθρα Νεοελλην γλωσσίου, σελ. 39*

никъ могъ осилить такую премудрость и зачѣмъ—вопросъ, на который могъ бы отвѣчать развѣ самъ Керамевсъ. Какъ бы то ни было, школа Патмосская еще не долго просуществовала. Керамевсъ умеръ въ первомъ году XIX-го вѣка и школа окончательно пала ¹⁾. Послѣ этого Патмосское училище низшло въ разрядъ низшихъ школъ Константинопольскаго патріархата. Да и неудивительно, если патмоскій пріютъ высшихъ наукъ сравнительно не долго просуществовалъ на свѣтѣ. Иноки Патмосскаго Іоанно-богословскаго монастыря показывали великое равнодушіе къ святилицу наукъ на ихъ островѣ; они, по словамъ Константинопольскаго патріарха Каллиника V-го (1801—1806 г.), „не только сами дѣлаются предметомъ презрѣнія за свое невѣжество, но становятся по той же причинѣ виновниками общаго поруганія прочихъ монашествующихъ лицъ“ ²⁾. Такимъ образомъ гораздо удивительнѣе то, что школа Патмосская, хотя и съ грѣхомъ поналамъ, но протянула свое существованіе едва не цѣлое столѣтіе.

Въ числѣ общеобразовательныхъ учрежденій, принадлежащихъ къ патріархату Константинопольскому и извѣстныхъ въ исторіи греческой церкви, заслуживаетъ полнаго нашего вниманія школа Аѳонская, носившая имя Академіи. Эта школа съ достаточнымъ правомъ носила такое громкое названіе, но она имѣла странную судьбу: она зацвѣла и отцвѣла почти одновременно. Первое основаніе Аѳонской школы положено въ 1749 году. Она возникла по мысли игумена Аѳонскаго Ватопедскаго монастыря Неофита. Онъ построилъ вблизи монастыря на холмѣ школу, наставникомъ которой сдѣлался другой Неофитъ, по произваію Кавсокаливитъ, принимавшій горячее участіе въ осуществленіи мысли Ватопедскаго игумена. Учитель школы, Кавсокаливитъ, родился въ Пелопоннесѣ, учился сначала въ Константинополь, а потомъ на о. Патмосъ у извѣстнаго уже намъ тамошняго наставника Герасима Византінца; закончилъ же онъ свое образованіе подъ руководствомъ знаменитаго Евгенія Булгариса въ школѣ Япнической. Затѣмъ онъ поселился на Аѳонѣ въ Кавсо-

¹⁾ Проф. Дмиріевскаго, стр. 465

²⁾ Miklosich et Müller Acta et diplomata monasterium et ecclesiarum orientis, tom III, p. 381 Вѣна, 1890 У проф. Дмиріевскаго, стр. 467

каливитскомъ скиту (отъ котораго и получилъ свое прозваніе), принялъ монашество и сталъ преподавать грамматику нѣкоторымъ изъ молодыхъ монаховъ. Отсюда уже онъ перешелъ на должность наставника школы Ватопедской 1). Но школа эта едвали бы получила извѣстность, если бы стеченіе особенно благоприятныхъ обстоятельствъ не возвысило ея значеніе. Константинопольскому патріарху Іеріаду V-ому (1748—1757 г.) пришла счастливая мысль перестроить уже существовавшую Ватопедскую школу, дать ей лучшихъ наставниковъ, расширить курсъ преподаванія въ ней до уровня высшаго учебнаго заведенія. Остается невыясненнымъ, что ближайшимъ образомъ побудило патріарха взяться за это благое дѣло, ибо отъ этого патріарха, при множествѣ его нравственныхъ недостаткахъ, трудно было ожидать благихъ начинаній 2). Иногда думаютъ, что на этотъ путь направилъ патріарха знаменитый ученный Евгеній Булгарисъ 3), но утверждать это со всею положительностію—нельзя. Нашлись добрые люди какъ среди іерарховъ, такъ и въ особенности среди богатыхъ мірянъ, пожертвовавшіе пужныя на устройство училища деньги, — и училище явилось 4). Прежнее зданіе перестроено и школа получила наименованіе Академіи 5). Выборъ мѣста для высшей школы, именно на Аѳонѣ, можно признать удачнымъ: св. гора богата матеріальными средствами, имѣла много книжныхъ сокровищницъ, давала необходимые для научной дѣятельности миръ и тишину. На построеніе зданій для Академіи денегъ, видно, не жалѣли; они построены были изъ тесаныхъ камней, представляли видъ квадратнаго монастыря, въ нѣсколько этажей; внутри постройки находился обширный дворъ, имѣвшій въ своемъ центрѣ небольшую церковь пророка Іліи 6).

Во главѣ Аѳонской Академіи поставленъ былъ Евгеній

1) *Σάθα Νεοελλην φιλολογία*, 310

2) *Μάθα Κατάλογος τῶν πρότων ἐπισκόπων καὶ τῶν πατριαρχῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει*, σελ. 318 Изданіе второе Аѳины, 1884

3) Порфирія Успенскаго, епископа Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри Часть II, отдѣленіе 2-ое, стр. 62 М. 1880

4) *Μάθα*, въ вышеуказ сочиненіи, 318

5) *Σάθα Νεοελλην φιλολογία*, 310.

6) Порфирія епископа, въ вышеуказ сочиненіи, стр. 62 *Γεθεῶν Χρονικὴ τῆς πατριαρχικῆς Ακαδημίας*, σελ. 162

Булгарисъ, которому назначено было слышатьное въ то время жалованье въ 1000 грошей. На вратахъ Академіи Булгарисъ, по подражанію философу Платону, приказалъ начертить сѣдующую надпись: *γεωμετρήσων εἰσὶτω, οὐ κολύωτοῦ μὴ θέλωτι συζηήσω τὰς θύρας* (умѣстно ли это?). Помощниками его въ управленіи и преподаваніи были сдѣланы—вышеупомянутый нами Неофитъ Кавсокаливитъ, прежній учитель Ватопедской школы, и Панагіотъ Палама, ученикъ Булгариса по Янинской школѣ, докончившій потомъ свое образованіе въ Константинополѣ. Булгарисъ взялъ на себя преподаваніе многихъ и самыхъ трудныхъ наукъ—риторики, логики, метафизики и богословія ¹⁾; философскія науки онъ сталъ преподавать, придерживаясь новѣйшихъ воззрѣній, принятыхъ на западѣ ²⁾. А Кавсокаливитъ сталъ давать уроки по эллинской филологіи. Третій преподаватель Панагіотъ Палама читалъ въ Академіи эллинскую словесность, и съ такимъ успѣхомъ, что нѣкоторые изъ студентовъ отдавали предпочтеніе его лекціямъ предъ лекціями самого главы школы ³⁾. Академія быстро наполнилась многочисленными учениками. По словамъ самого Евгенія до него ихъ было 20, а при немъ почти 200 человекъ ⁴⁾. И не даромъ они спѣшили сюда. Булгарисъ употребилъ все мѣры, чтобы школа приносила многіе и лучшіе плоды. Булгарисъ обнаружилъ необыкновенное усердіе въ преподаваніи наукъ. Онъ обязанъ былъ давать два урока въ день, а на самомъ дѣлѣ давалъ четыре. И притомъ каждый его урокъ по продолжительности своей выходилъ изъ нормы. Онъ занимался съ учениками до тѣхъ поръ, пока они не начинали кричать: „довольно“. Предъ каникулами Булгарисъ закрывалъ школу не ранѣе того, какъ сами ученики начинали настоятельно просить его объ этомъ. Нисколько не обязанный къ тому, онъ открылъ сверхштатный предметъ преподаванія—латынь, и платилъ учителю латинскаго языка изъ собственныхъ денегъ. Вообще помощниковъ по части преподаванія у него было

1) *Σάθα Λεολλήν φιλολογία*, 567 573. Порфирій епископа, стр 63

2) *Μάθα*, σελ 318

3) *Σάθα Νεοελλήν φιλολογία*, σελ 513 573

4) *Γεθρών Χρονικά κ λ*, σελ 166

больше, чѣмъ сколько полагалось по штату ¹⁾, а плату они получали изъ личныхъ средствъ Булгариса. Онъ помогалъ нуждающимся ученикамъ, употребляя на это часть своего жалованья. Вообще онъ говорилъ о себѣ: „я бился изъ всѣхъ силъ, чтобы поставить какъ можно лучше свою Академію: для достиженія этой цѣли я не жалѣлъ ни своего здоровья, ни денегъ“ ²⁾. И его усилія даромъ не пропадали. По словамъ Захаріи Маты (подъ именемъ котораго скрывается знаменитый греческій писатель Константинъ Экономосъ): „ученики Булгариса повсюду въ Греціи разнесли свѣтъ того образованія, какое они получили въ Аѳонской школѣ“ ³⁾. Мануиль же Гедесонъ пишетъ: „кто осматривалъ Аѳонскія бібліотеки и находящіяся въ нихъ рукописи, тотъ находитъ не мало такихъ, которыя писаны святогорскими монахами, прошедшими школу славнаго Евгенія“ ⁴⁾.

Но, къ сожалѣнію, Аѳонская Академія чрезвычайно скоро закрылась и притомъ навсегда. Она просуществовала лишь 1753—1757 года. Что за причина такого страннаго и неожиданнаго происшествія? Она закрылась потому, что ее вдругъ бросилъ Булгарисъ (а съ нимъ Кавсокаливить); а почему онъ бросилъ свое любимое дѣтище, относительно этого встрѣчаемъ не мало сужденій. Преосвященный Порфирій (Успенскій) въ объясненіе факта говоритъ: „игумены Аѳонскихъ монастырей вооружились противъ Булгариса, обвиняя его въ недостаточномъ послушаніи святой церкви и въ уступчивости съ его стороны гнуснымъ и постыднымъ страстямъ. Противъ него пастроены были и нѣкоторые его ученики“. Но такого рода обвиненія авторъ немного вѣритъ. Къ вышеприведеннымъ словамъ онъ прибавляетъ: „сильно и глубоко оскорбленный Евгеній покинулъ славное дѣло свое на землѣ

1) Къ числу такихъ сверхштатныхъ учителей относится, кажется, вѣтъ Кирианъ Александріецъ, изъ числа прежнихъ учениковъ Булгариса. Онъ занимаетъ должность второстепеннаго значенія (что-то въ родѣ тупора). Онъ учитъ пѣть въ Академіи очень не до по *Σάδα Ἑλλητικῆ φιλολογία*, 512—513.

2) Проф. А. Лебедева (Харьковскаго) Евгеній Булгарисъ, архіеи (товенскій („Древняя и новая Россія“—не существующій уже журналъ, 1876, кн. 3, стр. 212—213). Изъ письма Булгариса къ патр. Кириллу V-му).

3) *Μάδα, ρελ* 319.

4) *Γεδεών Χρονιχὸς* τ. 2, σελ. 166.

неблагодарной. Такъ трудолюбивый земледѣлецъ—меланхолически разсуждаетъ авторъ—видя сарапчу на поствѣ его, бѣжить, закрывъ свою голову“¹⁾. Другой писатель греческій, Захарія Мата (т. е. К. Экономосъ), разъясяя разсматриваемый фактъ, говоритъ: „интригующіе монахи (Аѳонскіе) начали нашептывать болѣе простодушнымъ изъ нихъ, что школа ни къ чему не ведетъ въ трудномъ монашескомъ дѣланіи, поэтому Булгарисъ, усматривая возникшую вслѣдствіе этихъ соблазновъ смуту, покинулъ Аѳонскую Академію“²⁾. Это объясненіе немногимъ отличается отъ предыдущаго, разнясь отъ него въ томъ, что оставляетъ въ сторонѣ личность самого Евгенія. Есть еще объясненіе отказа Булгариса отъ завѣдыванія и преподаванія въ Аѳонской школѣ и соединеннаго съ этимъ отказомъ запускннн этой школы; оно принадлежитъ самому потерпѣвшему. Существуетъ письмо Булгариса къ патріарху Кириллу V-му, который, нужно замѣтить, въ это время, когда произошла катастрофа, былъ уже въ отставкѣ и проживалъ на Аѳонѣ. Потерпѣвшій во всемъ винилъ этого патріарха. Дѣйствительно, Кириллъ V-й, и проживая на покоѣ на св. горѣ, могъ причинять неприятности указанному лицу, потому что, въ качествѣ бывшаго іерарха вселенскаго престола, онъ не лишенъ былъ права наблюденія надъ Аѳонскими монастырями и въ частности надъ школой здѣсь; притомъ же Кириллъ не отличался высокими нравственными качествами и способенъ былъ на многое худое: не входя въ подробную характеристику экепатріарха, достаточно сказать, что—по отзыву Маты (К. Экономоса), онъ „подобно разбойнику тиранствовалъ въ церкви“ (*ετυράννησε την ἐκκλησίαν ληστρικῶς*) во время своего патріаршествованія³⁾. Но послушаемъ, что писалъ Булгарисъ въ письмѣ къ экепатріарху—по оставленіи имъ школы. Выставляя виновникомъ своего несчастія и гибели школы патріарха Кирилла, онъ даетъ знать, что Кириллъ вообразилъ,—будто профессоръ Аѳонской Академіи желалъ соперничать съ бывшимъ патріархомъ и держался слишкомъ снѣсно. Для того, чтобы докорить заносчиваго профессора, какимъ считалъ экепат-

1) Преосв. Порфирія, въ вышеуказ. сочиненіи, 63

2) *Μέσα*, 319

3) *Μέσα*. σελ. 152

патріархъ Бугариса, первый—по словамъ втораго—подучилъ монаховъ и учениковъ подать Константинопольскому патріарху и Синоду жалобу на профессора школы. А для того, чтобы жалоба имѣла больше значенія, экпатріархъ заставилъ подъ нею подписаться и такихъ лицъ, которые не были расположены къ тому, напр. нѣкоторыхъ учениковъ школы: ктому же Кирилль—по словамъ Бугариса—угораздился добыть компрометирующія обвиняемаго какія-то показанія нѣкоторыхъ недостойныхъ учениковъ школы, даже слугъ и носильщиковъ дровъ и воды, совершенныхъ неучей¹⁾

Оппозиція, создавшаяся на Аѳонѣ и направлявшаяся противъ знаменитаго профессора, зашла такъ далеко, что „ему грозили даже розгами“²⁾. Признаться: ужъ это слишкомъ! Такимъ образомъ даже личная безопасность требовала, чтобы Бугарисъ отрясъ прахъ съ ногъ своихъ и ушелъ изъ школы и съ Аѳона.

Мы сгруппировали выше все извѣстныя намъ объясненія печальнаго факта, т. е. удаленія Бугариса изъ Аѳонской Академіи и закрытія этой послѣдней. Можно ли сказать, что все они въ совокупности достаточно разъясняютъ дѣло и удовлетворяютъ историка? Намъ кажется, нѣтъ. Мы не сомнѣваемся, толкователи явленія указывали на дѣйствительные факты, сопровождавшіе происшествіе. Но остается все-таки недостаточно раскрытымъ такъ сказать самый корень, изъ котораго выросло случившееся. Нужно знать, что Бугарису вообще—какъ говорится—не везло въ профессорской дѣятельности. Онъ преподавалъ сначала въ янинской школѣ, пользовавшейся извѣстностію въ то время,—но долженъ былъ покинуть эту школу; профессорствовалъ на Аѳонѣ, но и отсюда ушелъ „со скандаломъ“; профессорствовалъ онъ наконецъ въ самомъ Константинополѣ въ т. и патріаршей Академіи, о чемъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, но и здѣсь по неудовольствію на него патріарха долженъ былъ выйти изъ состава преподавателей школы. Отчего-же это такъ? Причина неудачъ Бугариса заключалась въ томъ, что онъ, какъ профессоръ, со своими воз-

¹⁾ Проф. А. Лебедева (Харьковскаго), въ вышедшаго его статьи (письмо Лебедева къ Кириллу), стр. 213

²⁾ Епископа Порфирія, стр. 63

зрѣніями не подходилъ къ тѣмъ требованіямъ, какія предъявляла тогда греческая школа къ ея преподавателямъ. Булгарисъ стоялъ выше этихъ требованій и за это страдалъ. Все греческіе историки въ одинъ голосъ утверждаютъ, что онъ велъ преподаваніе наукъ, сообразуясь съ новыми западными взглядами на нее (*κατὰ τὰς νεωτέρας θεωρίας*)¹⁾ Это многимъ не нравилось въ тогдашнемъ греческомъ обществѣ. Въ Янинѣ учителя школы, коллеги Булгариса по профессіи, находили, что „учень-то онъ учень, да къ сожалѣнію, атенствъ“. Во главѣ этихъ болтуновъ стоялъ человѣкъ, считавшійся ученымъ (*ἀνὴρ πολυμαθής*), наставникъ Янинской школы по имени Баланъ, который „изъ осторожности (!) чуждался всякой новизны въ философіи“; у этого главаря нашлись приспѣшники (*οἱ ὄπαδοί*), вооружились противъ лекцій Булгариса—и сей послѣдній во избѣжаніе скандала (*πρὸς ἀποφυγὴν τῶν σκανδάλων*) бросилъ Янину²⁾. Это первый случай въ жизни Булгариса. Другой, который можно назвать Аѳонской драмой, нами только-что подробно разсказанъ. Въ этой драмѣ обращаетъ наше особенное вниманіе обвиненіе Аѳонскихъ монаховъ противъ Булгариса въ томъ, что онъ „не обнаруживалъ полного послушанія св. церкви“ (*ὅτι ἐδειξε πληροτέραν ὑποταγὴν πρὸς τὴν ἐκκλησίαν*). Очевидно, и въ этомъ случаѣ все дѣло въ „новыхъ научныхъ теоріяхъ“. Эти-то теоріи и приготовили катастрофу. Булгарисъ, оставаясь при своихъ воззрѣніяхъ, не могъ быть угоденъ аѳонитамъ, а потому (*βλέπων τὴν ἐκ τῶν σκανδάλων*—все изъ-за этого—*ταραχὴν*)³⁾ разстался съ Аѳонской Академіей. Что-же касается патріарха Кирилла V-го, неблагодарныхъ учениковъ, монашескихъ козней, то это только обстановка драмы, сущность же драмы лежала много глубже. Припомнимъ, наконецъ, изъ-за чего Булгарису пришлось выдти изъ коллегіи профессоровъ т. н. патріаршей Академіи въ Константинополь Патріарху Константинопольскому Самуилу не нравилось, что Булгарисъ въ философіи не придерживался Аристотеля, т. е. что онъ мало уважалъ старинные авторитеты: а вмѣсто

¹⁾ *Μάθη. σελ* 318

²⁾ *Σάρα Νεοελλην. γιολογία*. 567 Проф. А. Лебедева, въ вышеуказ. статьѣ, 212

³⁾ *Μάθη* 319

того позволялъ знакомить своихъ слушателей съ сомнительнаго достоинства, какъ казалось патріарху, новизнами въ наукѣ (*ἀλεστρέφετο τὰ παρ' Εὐγενίου παραδιδόμενα, ὡς νεωτέρων φρενὸς κήματα*). ¹⁾ А результатъ такого взгляда на Булгариса намъ уже извѣстенъ: профессоръ очутился за порогомъ Академіи. Такимъ образомъ мы видимъ, что Аѳонская драма вовсе не случайность въ жизни Булгариса Онъ вездѣ, во всѣхъ школахъ, гдѣ ему приходилось профессорствовать, возбуждалъ неудовольствіе своими богатыми познаніями и приверженностію къ новѣйшей западной наукѣ. Булгарисъ не соотвѣтствовалъ традиціямъ, которыми жила Греція XVIII вѣка. Да и могло ли быть иначе? Обищныя нѣмецкихъ профессоровъ, собесѣдникъ Вольтера, впоследствии избранникъ Императрицы Екатерины II-ой (*εἰς τὸν θρόνον τῶν συνδοκῶν τῆς ἀρχιῴσας Ἐκκλησίας!*) ²⁾ — могъ ли ужиться на Аѳонѣ? Вообще могъ ли даже найдти себѣ правильную оцѣнку въ греческомъ обществѣ того времени, въ такомъ обществѣ гдѣ ученые (?) люди продолжали еще думать, что математика вредна, „ибо приводитъ къ отрицанію постовъ“ ³⁾.

Итакъ мы видимъ, что обстоятельства на несчастіе Булгариса сложились такъ, что онъ долженъ былъ не разъ бросать профессорскую дѣятельность, впрочемъ не обстоятельства сами по себѣ, а духъ времени требовалъ такой жертвы. Да, Булгарису, по его собственному выраженію, часто приходилось на жизненномъ пути пересаживаться „съ коня на осла“, т. е. изъ лучшаго положенія попадать въ худшее. Счастіе не благопріятствовало ему. Въ исторіи же Аѳонской ему приходилось не только пересѣсть съ коня на осла, но даже прямо очутиться подъ копытами послѣдняго. Вѣдь ему „грозили розгами“!

Съ удаленіемъ Булгариса изъ Аѳонской Академіи главнымъ наставникомъ въ ней и схолярхомъ сдѣланъ былъ нѣкто Аѳанасіи Паросецъ, тотъ самый, который разсуждалъ, что „кто путешествовалъ по Европѣ, тотъ по этому самому (!)

¹⁾ Γεδεών Χρονικὰ τῆς πατριαρχ. Ἀκαδημίας, 163

²⁾ Геденъ, слова котораго мы здѣсь приводимъ (Χρονικὰ 165), утверждаетъ, что Екатерина II назначила Булгариса архіепископомъ Словенскія и Херсонскія „къ досадѣ членовъ Синода съверной (русской) церкви“ Правда ли это?

³⁾ Γεδεών, ibidem, 248.

атеизмъ и что математика ведетъ къ атеизму, такъ какъ первымъ результатомъ ея становится отрицаніе постовъ“. Назначенъ былъ въ Академію человекъ съ подобными взглядами и на чье же мѣсто? На мѣсто Булгариса, который глубоко сочувствовалъ „новѣйшимъ научнымъ теоріямъ“ и конечно проводилъ ихъ въ сознаніе студентовъ. Результатовъ такого назначенія начальникомъ въ Академію отъявленнаго врага Европы и научныхъ интересовъ не долго пришлось ждать. Студенты подняли бунтъ и Академія навсегда прекратила свое существованіе. Аванасій Паросецъ бросилъ Академію, вслѣдствіе, конечно, не случайной „безпорядочности и непослушанія учениковъ ¹⁾“. Исторія Аѳонской Академіи на этомъ и кончается.

Гибель Академіи оплакана была однимъ изъ учениковъ Евгенія Булгариса, Черноводскимъ уроженцемъ изъ Болгаріи, Іосиппомъ Мисіодаксомъ въ слѣдующихъ словахъ: *ποῦ ὁ κλεινὸς Εὐγένιος; ποῦ ἡ πολυπαθῆς χορεία τῶν μαθητῶν, ἥτις ἐν χαρῇ τῆς Ἑλλάδος πάσης συνεκρότει ἕνα Ἑλλῆνα νέον Μουσῶν καὶ Μουσσοτρόφων; ἐφρυαδεύθη ἐκεῖνος, ἐφρυαδεύθη αὐτῆ; Βροντῆ νεμέσεως ἐπέπεσε καὶ ἐσχόρπισε διδάσκοντας καὶ διδασχομένους, καὶ ἡ οἰκοδομὴ ἐκέλη..... κατήρτησεν (οἴμοι ¹⁾) ἡ κατοικία, ἡ φωλεὰ τῶν χοράκων ²⁾.*

Но и это „прибѣжище врановъ“ — во что превратилась Академія—исчезло съ лица земли. Зданія Академіи сдѣлались добычей пламени. Преосвященный Порфирій рассказываетъ: „мигъ говорили, что монахи подожгли Академію—на мѣренно, думая, что ученость не нужна *для того свѣта*“ (курсивъ владыки) ³⁾. Когда это было, мы не знаемъ.

„Нынѣ—прибавляетъ тотъ—же авторъ—отъ самаго строенія (Академіи) остались только ветхія стѣны и догнивающие брусья, а дворъ весь заросъ колючимъ кустарникомъ“. Sic transit gloria mundi!

„Аѳонская Академія погибла—заключаетъ преосвященный Порфирій свою повѣсть,—но не погибла память и слава ея основателя—Евгенія“ ⁴⁾.

¹⁾ *Δάθα Χροελλιν φιλολογία*, 631

²⁾ *Σαβίρα Νέα Ἑλλάς*, σελ 291 350.

³⁾ Преосвященнаго Порфирія (Успенскаго), вышеуказанное сочиненіе, (гран 70

Достаточно познакомившись, какъ намъ кажется, съ общеобразовательными школами въ Константинопольскомъ патриархатѣ изучаемаго нами времени, сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній о таковыхъ же общеобразовательныхъ школахъ, устроенныхъ Греками, въ интересахъ ихъ просвѣщенія, за предѣлами Турко-греціи. Изъ числа этихъ школъ самое видное мѣсто занимаетъ—Венеціанская Турецкое завоеваніе Константинополя заставило многихъ состоятельныхъ Грековъ бѣжать изъ отечества, чтобы заниматься торговлей и мореходствомъ на чужой сторонѣ, вслѣдствіе чего почти во всѣхъ торговыхъ и особенно приморскихъ городахъ Европы явились торговыя греческія колоніи. Такъ возникла греческая община въ Венеціи. Она устроивалась во многихъ отношеніяхъ очень удобно. Венеціанская республика по своимъ коммерческимъ видамъ, въ началѣ XVI-го вѣка испросила Грекамъ у папы Льва X-го Медичиса (1513—1521 г.) свободное пеновѣданіе ихъ вѣры. Желая сохранить однакожь хоть нѣкоторую тѣнь власти надъ указанной греческой общиной, римскій дворъ потребовать себѣ, въ качествѣ дани отъ венеціанскихъ Грековъ, ежегодный взносъ нѣсколькихъ пудовъ бѣлаго воска, но и эта дань никогда не была вносима. Съ теченіемъ времени община добилась права построить и построила себѣ въ городѣ церковь, на фронтонѣ которой читается такая надпись: „Христу Спасителю и св. великомученику Георгію переселенцы греческіе и приходящіе въ Венецію, дабы прославить Бога по обрядамъ отечественнымъ, на свои средства соорудили храмъ сей въ 1561 году“. Храмъ, построенный Греками въ Венеціи и носящій наименованіе храма св. Георгія, отличался великолѣпіемъ, такъ какъ былъ построенъ знаменитымъ зодчимъ Сансовино. Съ 1561 года, со времени построенія этой церкви, она сдѣлалась центромъ какъ церковно-общественной, такъ и интеллектуальной стороны въ жизни венеціанскихъ Грековъ, да и не однихъ этихъ Грековъ. При церкви появилось двое греческихъ священниковъ и учреждена была архіерейская кафедра, епископъ которой сталъ титуловаться именемъ епископа филладельфійскаго (это были номинальные епископы филладельфійской епархіи, находящейся въ Малой Азіи); епископское управленіе однако происходило въ полной зависности отъ Константинопольскаго патриарха,

имя котораго разбѣнено было возносить на эктеціяхъ, въ храмѣ св. Георгія. Интересно, что въ Венеціи латинскіе священники обязаны были сопровождать по улицамъ каждаго православнаго покойника своего прихода, съ пѣніемъ погребальныхъ гимновъ, и затѣмъ передавать тѣло усопшаго греческому духовенству въ притворѣ церкви св. Георгія: этотъ обычай, продолжавшійся не одно столѣтіе, введенъ былъ для того, чтобы не произошло какого либо оскорбленія отъ безпокойной городской черни иновѣрному духовенству и не нарушались бы мирныя отношенія венеціанскаго народонаселенія къ Грекамъ; разумѣется, Греки такой предупредительностію обязаны не Риму, а Венеціи ¹⁾ При той же церкви св. Георгія, въ концѣ XVI-го вѣка открыто было и греческое училище, съ именемъ гимназіи ²⁾. Оно было устроено по обычному въ то время типу греческихъ гимназій, о которыхъ мы имѣли случай говорить раньше. Нѣкоторые изъ учениковъ Венеціанской гимназіи не довольствовались тѣмъ образованіемъ, которое они получали здѣсь, и отправлялись заканчивать его въ Падуанскомъ университетѣ (Падуя входила въ составъ Венеціанской республики). Такимъ образомъ гимназія эта служила для подготовленія Грековъ къ университетскому образованію. Кромѣ юношей венеціанской греческой общины здѣсь (въ гимназіи) учились и пришлые греческіе юноши съ Востока, которые тоже иногда потомъ слушали курсъ наукъ въ Падуанскомъ университетѣ, и „украшившись лаврами возвращались къ своимъ отечественнымъ лаврамъ“ ³⁾. Въ Венеціи, благодаря усердію мѣстныхъ Грековъ, а также и Грековъ съ Востока (наприм. Филиппа Кипрянина, протонотарія великой церкви, — нач. XVII-го вѣка) устроилось нѣсколько даровыхъ общежитій (конвиктовъ) для учениковъ разсматриваемой гимназіи. Въ этомъ отношеніи въ особенности заслуживаетъ упомянанія щедрое пожертвованіе венеціанскаго Грека Θомы Флаггиниса, который по духовному завѣщанію оставилъ въ

¹⁾ Муравьева А. Н. Состояніе церкви православной въ Венеціи. „Прибавленія (1846 г.) къ Твореніямъ св. Отцовъ“ Томъ IV, 294—296

²⁾ Первымъ учителемъ въ немъ былъ Николай Ласкарисъ (съ 1593 г. и *с. др.*, 233

³⁾ Pichler Geschichte des Protestantismus in der orient. Kirche im XVII Jahrhundert S. 40 München, 1862

пользу бѣдныхъ учениковъ гимназій большой капиталъ въ 170,000 дукатовъ; на проценты съ этого капитала имѣли право содержаться въ особомъ общежитіи недостаточныя греческіе дѣти, исключительно православнаго исповѣданія, преимущественно съ острововъ Керкиры (мѣсто родины Юмы) и Кипра. Определеніемъ Венеціанской герусіи (сената), отъ 6 сентября 1664 года, общежитіе это получило имя основателя („Флаггианово“) и назначено было постоянно содержаться въ немъ одиннадцати воспитанникамъ¹⁾.— Въ началѣ XVIII-го вѣка нѣкоторое время учился въ этой школѣ извѣстный уже намъ русскій паломникъ Григорьевичъ-Барскій, который въ своемъ дневникѣ записалъ, какъ всегда, любопытныя извѣстія и о Венеціанской школѣ. Вотъ что говоритъ онъ о ней: въ Венеціи есть „семинаріумъ“, т. е. греческая школа, въ которой учатся греческіе мальчики, стекающіеся сюда изъ разныхъ сторонъ. Предметами ученія служатъ языки латинскій и итальянскій, а также риторика (но можетъ быть—добавимъ—и другія науки). Курсъ ученія въ „семинаріумѣ“ продолжался шесть лѣтъ. Содержаніе школы стоило большихъ денегъ. Деньги для содержанія училища доставляли венеціанскіе аристократы, они платили жалованье учителю и давали средства на пищу и одежду ученикамъ, не смотря на то, что эти мальчики принадлежали къ чуждой націи. Изъ этихъ повѣданныхъ замѣчаній открывается, что не одни богатые венеціанскіе Греки, но и Венеціанцы не оставляли греческую гимназію безъ подлежащей матеріальной поддержки. Нашему Барскому пришлось пробыть въ Венеціи три зимнихъ мѣсяца—ноябрь, декабрь и январь (1724 и 1725 г.) Съ самаго же начала соскучившись отъ ничего—недѣланія, онъ рѣшился записаться въ число учениковъ школы и заняться изученіемъ греческаго языка. Преподавателемъ въ школѣ было лице духовное, у котораго случилось быть на исповѣди нашему паломнику: къ нему-то Барскій и обратился съ просьбою—дозволить ему посѣщеніе училища. Преподаватель охотно согласился на его просьбу, и даже внушилъ прочимъ ученикамъ, чтобы они объясняли ему, въ случаѣ если онъ будетъ о чемъ-либо ихъ спрашивать, и вообще.

¹⁾ *Σέβαστ. Ἐπιτομὴ γράσεων, σελ.* 826—827

чтобы они показывали ему и научали его¹⁾ Товарищескими отношеніями учениковъ школы Барскіи былъ очень доволенъ²⁾. Впрочемъ запятія Барскаго въ школѣ не имѣли, по его словамъ, большаго успѣха, какъ по кратковременности пребыванія его въ столицѣ Венеціанской республики, такъ и по другимъ причинамъ. Нужно сказать, что какъ чело-вѣкъ бѣдный, Барскіи помѣстился въ страннопримницѣ при церкви св. Георгія и испытывалъ разнаго рода неудобства, мѣшавшіе школьному его обученію. Въ страннопримницѣ ему выдавали еженедѣльно по 15 солидовъ (по 2 алтыня) на харчи, но денегъ этихъ ему не хватало на пропитаніе, въ виду большой дороговизны въ Венеціи Поэтому, нашъ Барскіи поступалъ такъ: одинъ день ходилъ въ школу, да два слѣдующіе бродилъ по улицамъ, прося милостыню: плохое ужъ это ученье! Да и жизнь въ страннопримницѣ отнюдь не благопріятствовала занятію наукою. Опъ помѣщался здѣсь „купно съ иными убогими“, въ числѣ этихъ убогихъ было немало „невольниковъ отъ Турка утекишихъ или какъ-нибудь свободившихся“, безъ сомнѣнія все это было отребіе народа. Сожители Барскаго не только не сочувствовали его похвальнымъ стремленіямъ къ наукѣ, но и возненавидѣли его за нихъ. Они жгли его учебныя книги и записки и дѣлали съ нимъ „прочая неудобная“: они издѣвались надъ нимъ и въ насмѣшку прозвали его „премудрымъ Соломономъ“ и даже еще хуже поступали съ ревностнымъ школьникомъ — „многая накости дѣяху“³⁾. При такихъ обстоятельствахъ отъ хожденія Барскаго въ училище мало было пользы. „Благодаривъ азъ Бога и на большую Егожъ честь и похвалу учаехя, обаче мало ползовахъся“, — заявляетъ онъ о плодахъ своего ученія въ Венеціанской гимназіи — Указанная гимназія процвѣтала во все время бытія Венеціанской республики, съ паденіемъ же ея (въ началѣ XIX-го вѣка) и подчиненіемъ Венеціи австрійской имперіи, греческая община здѣсь обдѣлѣта, епископская кафедра была закрыта, вмѣсто гимназіи при храмѣ св. Геор-

1) Барскаго Томъ I, стр. 155

2) Тамъ-же Томъ I, стр. 168

3) Тамъ-же Томъ I, стр. 155—156 сл. 151

гия осталось только „малое училище“, вѣроятно просто начальная школа ¹⁾

Изъ числа греческихъ школъ на Западѣ, важнѣйшее мѣсто, послѣ венеціанской гимназіи, занимаетъ гимназія въ Падуѣ. Что касается падуанской гимназіи, то происхожденіе ея нѣсколько иное, чѣмъ венеціанской и другихъ греческихъ заграничныхъ школъ. Въ Падуѣ не было колоніи греческихъ купцовъ, но здѣшній университетъ, какъ ближайшій къ Греціи изъ всѣхъ университетовъ западной Европы, былъ мѣстомъ образованія по крайней мѣрѣ для девяти десятыхъ частей изъ всѣхъ Грековъ, которые искали этого образованія въ западной Европѣ. Такимъ образомъ, учрежденіе здѣшней гимназіи вызвано было потребностію имѣть подготовъ среднее учебное заведеніе, открывавшее доступъ къ слушанію университетскихъ лекцій. Время возникновенія падуанской гимназіи можно отнести къ началу XVIII-го вѣка ²⁾. Подобно тому, какъ это было въ Венеціи, учреждено было и въ Падуѣ, благодаря щедрости богатыхъ Грековъ изъ разныхъ мѣстностей, нѣсколько даровыхъ общежитій для учениковъ гимназіи, именно въ концѣ XVI-го и въ первой половинѣ XVII-го вѣка здѣсь возникли три общежитія: одно для 4-хъ греческихъ мальчиковъ (съ о. Кипра), другое для 8-ми вообще греческихъ учениковъ, третье для 24-хъ (16 для уроженцевъ Крита и 8 для греческихъ дѣтей, безъ различія ихъ мѣста родины) ³⁾. Кстати сказать, что Греки—студенты падуанскаго университета, въ виду множества учащихся въ Падуѣ и вслѣдствіе малочисленности богатыхъ Грековъ здѣсь, часто испытывали крайнія лишения ⁴⁾. Кромѣ вышеупомянутыхъ греческихъ заграничныхъ гимназій славилась еще греческія же гимназіи: въ Римѣ, она была основана греческимъ ученымъ Яносомъ Ласкарисомъ при папѣ Львѣ X-мъ ⁵⁾, и во Флоренціи, она имѣла своимъ первымъ учителемъ очень образованнаго Грека.

¹⁾ Муравьева. Состояніе церкви православной въ Венеціи, 296—298

²⁾ Проф. Е. Е. Голубинскаго. Очеркъ исторіи просвѣщенія у Грековъ и пр. (*Правосл. Обзоръ*, 1872 г., т. I, 715—2-й отд., стр. 417)

³⁾ Richler. Вышеуказ. сочиненіе, 40

⁴⁾ Crussii Turcograecia, p. 456—457—500 2-й отд., стр. 326

⁵⁾ О греческой же коллегіи въ Римѣ, основанной для воспитанія Грековъ папою Григоріемъ XIII-мъ будемъ говорить при другомъ случаѣ.

Арсенія Апостоля¹⁾, по обѣ эти гимназiи были недолговѣчны²⁾.

Между нѣмецкими городами наибольшую симпатiю любителей Грековъ пользовался Лейпцигъ, гдѣ была греческая церковь и гдѣ на скамьяхъ въ университетѣ можно было видѣть Грековъ въ монашескомъ и діакопскомъ одѣяніи; Лейпцигскій университетъ въ числѣ своихъ учениковъ имѣлъ и знаменитаго Евгенія Булгариса³⁾. Изъ числа городовъ Великобританскихъ Греки, кажется, чаще всего попадали въ Лондонъ (и Оксфордъ) Такъ въ концѣ XVII-го вѣка (въ 1683 г.) нѣкто Веніаминъ Удрофъ изъ Оксфорда обратился съ письмами къ патріарху Иерусалимскому и другимъ Греческимъ патріархамъ и митрополитамъ; въ этихъ письмахъ Удрофъ, съ соизволенія англійскаго духовнаго начальства просилъ „послать въ Лондонъ юношей, способныхъ учиться наукамъ и знающихъ языки сирскій, арабскій и московскій, для изученія медицины и богословія по чистому откровенію Евангельскому“⁴⁾. Такой призывъ, пужно думать, не остался напраснымъ. Говоря о протестантскихъ университетахъ, мы сдѣлали и такія указанія, которыя свидѣтельствуютъ, что не одни Греки-міряне могли учиться здѣсь, но что и духовныя греческія лица, а также и готовящiеся къ духовному сану также могли быть въ тѣхъ же высшихъ учебныхъ заведеніяхъ западной Европы, и дѣйствительно бывали въ нихъ; но, разумѣется, такіе случаи встрѣчались рѣдко.

Мы окончили предпринятую нами задачу обозрѣть тѣ общеобразовательныя учрежденія Константинопольскаго патріархата (начиная отъ времени паденія Константинополя, въ 1453 г.), которыя служили или могли служить пользамъ духовнаго просвѣщенія, приготовляя будущихъ пастырей церкви къ исполненію ихъ обязанностей. При этомъ слегка коснулись и нѣкоторыхъ заграничныхъ школъ греческихъ

¹⁾ Legrand Bibliographie Hellénique (XV—XVI siècle) Tome 1 p. CLXXV Par., 1885.

²⁾ Ibidem — Σάββ. σελ. 114—116.

³⁾ Порфирія епископа Первое путешествіе въ Афонскъ монастыри Ч. II, отдѣл. 2, стр. 63—64

⁴⁾ Сырку Описаніе бумажъ епископа Порфирія Успенскаго, стр. 234 Пестерб., 1891

и негреческихъ, въ которыхъ, хотя изрѣдка, могли учиться люди, посвящавшіе себя потомъ пастырскому долгу въ Константинопольскомъ патріархатѣ. Нашею цѣлію при ознакомленіи со всѣми вышеуказанными школами было показать — гдѣ и какое получали образованіе пастыри Константинопольскаго патріархата вплоть до того времени, когда въ этомъ патріархатѣ начали появляться *спеціально-духовныя школы* (а это встрѣчаемъ лишь около половины XIX-го вѣка: въ это время открылась, наприм. Халкинская духовная школа). Изъ тѣхъ фактовъ, которые нами въ общіи представлены выше для уясненія этого вопроса, открывается, что школъ въ разсматриваемомъ патріархатѣ было мало, что образованіе давалось въ нихъ невысокаго качества, почему, естественно, и духовенство великой церкви не стояло на высотѣ своего призванія, во всѣ вѣка до самаго того времени, когда здѣсь возникаютъ спеціально-духовныя школы. Что это дѣйствительно было такъ, видно изъ нижеслѣдующихъ свидѣтельствъ.

Въ XVI-мъ вѣкѣ, хотя въ школахъ Константинопольскаго патріархата и въ большомъ ходу были книги богослужебныя, въ родѣ часослова, октоиха, но отъ этого мало получалось пользы, потому что „только очень немногіе между священниками и монахами разумѣли написанное въ этихъ книгахъ“, а не разумѣли они написаннаго вследствие отсутствія изученія въ школахъ старо-греческаго языка, на которомъ указанныя книги были изложены. Объ этомъ явленіи не молчали и сами іерархи патріархата, такъ наприм. одинъ митрополитъ Фессалоникійскій (XVI в.) сознавался, что ни одинъ монахъ въ его епархіи не знаетъ старо-греческаго языка, а слѣдовательно совѣмъ не понимаютъ церковныхъ молитвословіи ¹⁾.

Свидѣтельство XVII-го вѣка. У Мелетія, митрополита Афонскаго, читаемъ: Кирилъ патріархъ Александрійскій (впоследствии Константинопольскій) въ 1612 году, написавъ церковное (т. е. ради пользы церковной) писъмо къ Іоаншу Утейбогару (голландскому богослову), отъ котораго въ Бельгій возникъ расколъ Армініанъ; въ этомъ писъмѣ между прочимъ говорилось: „встрѣчаются нѣкоторыя обличающіе

¹⁾ Стасій Тиссограція, р. 205 Pichler, указавш сочиненіе, 29

Восточную церковь въ невѣжество, такъ какъ изученіе наукъ и философіи перешло отсюда въ другія страны: но именно потому-то, что Восточная церковь пыгѣ чужда науки, она должно считаться истинно (*λίαν*) блаженною (счастливою), не будучи знакома съ жалкими (*ὀλίθριοι*) вопросами, которые въ настоящее время оскверняютъ (*μαίνοσαι*) слухъ людей“ ¹⁾. Здѣсь не только константируется фактъ невѣжества греческаго духовенства, но онъ притомъ же и восхваляется.

Свидѣтельство XIX-го вѣка, характеризующее положеніе дѣла въ концѣ XVIII-го и въ началѣ слѣдующаго вѣка. Пзвѣстный греческій писатель Константинъ Экономосъ († 1857 г.) утверждалъ слѣдующее: „одно простое чтеніе богослужебныхъ книгъ, и часто весьма неудовлетворительное, но если только соединялось съ мелодичностію голоса, давало уже право на священническую и діаконскую должность“. Невѣжество ипшаго клира простиралось такъ далеко, что изъ 1000 священниковъ едва 10 могли подписать свое имя; кто же изъ нихъ умѣлъ или могъ писать, тотъ уже считался за ученаго и потому, въ знакъ своей учености, носилъ при себѣ чернильницу. Немногимъ лучше ипшаго духовенства было образовано и высшее. „Между 180-ью архіереями, которые, за исключеніемъ титулярныхъ епископовъ, составляли высшій клиръ Восточной церкви, едва 10 обладали надлежащимъ образованіемъ; изъ остальныхъ 170-ти тридцать или сорокъ, если и были образованы, то все образованіе ихъ ограничивалось только одною греческою словесностію и чтеніемъ (въ точномъ смыслѣ слова) св. Писанія и святыхъ отцовъ. Если же кто-либо изъ лицъ, принадлежавшихъ къ клиру и отправлялся въ Европу для образованія, то или вовсе не возвращался въ свое отечество, или же, если и возвращался, то мало былъ почитаемъ своими неучеными соотечественниками и сослуживцами, такъ называемыми дѣльцами, которые были опытиче его въ устроеніи разныхъ церковныхъ процессій и мірскихъ торжествъ“ ²⁾

¹⁾ Μελέτιος Ἐκκλησιαστικῆ, Ἱστορία Του Π. σελ 431

²⁾ Κωνσταντίνου Οἰκονόμου Τριακονταετηρίξ ἐκκλησιαστικῆ, ἢ συναγματίου ἱστορικῶν τῶν ἐκκλησιαστικῶν συμμεμβλημάτων (1821—1852), σελ 137 Ашпы. 1864 (с ич проф Курганова (Устройство церкви королевства Греческаго, стр 418—419 Каз., 1871) и Georg a Mann'a (Das Griechische Volk Band II, 153 Heidelb., 1835)

Принимая во вниманіе вышеприведенныя свидѣтельства отъ XVI-го до начало XIX-го вѣка, мы можемъ утверждать, какъ и другіе утверждаютъ, что образованіе греческаго духовенства въ эпоху отъ паденія Константинополя до средины XIX-го вѣка было „самое несовершенное“ ¹⁾. Но это явленіе не должно насъ слишкомъ соблазнять. Никакъ нельзя забывать того, что греческое духовенство, по крайней мѣрѣ высшее, въ теченіе указанныхъ вѣковъ посылало на себѣ черты культурности, этотъ благопріятный пережитокъ, наслѣдованный имъ отъ временъ Византійскихъ. Нѣкоторые западные писатели именуютъ Грековъ „библіотекарями древности“; у такихъ библіотекарей духовенство, въ особенности высшее, не могло быть людьми негражданинскими, незнакомыми съ книгой; этого и не было. Патріархъ Досифей говорилъ, что у греческихъ архіереевъ „книги вмѣсто вотчинъ“ ²⁾. Это не то значить, чтобы греческіе архіереи книги предпочитали вотчинамъ (такихъ примѣровъ не встрѣчалось), а значить то, что эти архіереи, если не имѣли вотчинъ, то имѣли хоть книги. И кто не скажетъ, что книга доброе дѣло. Благодаря книгѣ и наслѣдію культурности отъ временъ болѣе древнихъ, греческое духовенство отличалось значительною религіозною толерантностію и яснымъ религіознымъ смысломъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Православные патріархи заходили въ армянскую церковь и прикладывались здѣсь къ иконамъ („Проскинитарій Арсенія Суханова“ ³⁾, стр. 55). Они же заходили и въ церковь франковъ (римско-католиковъ), при чемъ органъ игралъ, а патріархъ поклонялся иконамъ (тамъ же, 56), при кажденіи же ему, онъ осѣнялъ рукою римско-католическое духовенство (56-же). Когда иновѣрный патріархъ посѣщалъ обитель, гдѣ пребывать православный патріархъ, то этотъ послѣдній встрѣчалъ гостя съ крестнымъ ходомъ и цѣловался съ гостемъ: для него отверзались врата храмовъ, онъ могъ входить въ нихъ (храмы), при чемъ православное духовенство пѣло: „достоинно

¹⁾ Проф. Курянова, тамъ же, стр. 418

²⁾ Проф. Н. Ѳ. Кавтерева (сообщенія иерусалимскаго патріарха Досифея съ русск. правительствомъ (1669—1707 г.), стр. 58 Москва, 1891

³⁾ „Проскинитарій“ этотъ, нами здѣсь цитируемый, изданъ Православнымъ Палестинскимъ обществомъ подъ редакціей проф. Ивановскаго Петербургъ 1889

есть“ (т. е. входное). ему дозволялось вступать чрезъ царскія двери и лобзать св. престоль (тамъ же, 66). Митрополиты совершали освященіе воды на рѣкѣ въ Богоявленіе вмѣстѣ съ римско-католическимъ епископомъ. (Тамъ же, 358). Въ православныхъ храмахъ при служеніи патриаршемъ одновременно присутствовали православные, римско-католики и армяне—и патриархъ завѣдомо благословлялъ всѣхъ ихъ, какъ чадъ своихъ. (Тамъ же). Въ предѣлахъ теперешняго греческаго королевства въ старыя времена случалось, что однѣ и тѣже церкви служили и для греческаго и латинскаго богослуженія; или даже бывало вотъ что: въ одной и той же церкви, въ одно и тоже время совершалось два богослуженія (литургии)—греческое и латинское: по прочтеніи латинскимъ діакономъ „Апостола“, сейчасъ же начиналъ читать этоже самое и духовное греческое лице по—гречески, тоже повторялось и по отношеніи чтенія св. Евангелія ¹⁾—Въ своей домашней жизни греческіе іерархи совѣтъ не чуждались иноувѣрнаго духовенства. Патриархи не считали зазорнымъ для себя посѣщать, наприм., армянское духовенство, вкушать съ нимъ вино и плоды („Проскнит.“, 55); патриархи не избѣгали случая раздѣлять трапезу и съ римско-католическимъ духовенствомъ (тамъ же, 56). Дружественность отношеній представителей православія и иноувѣрія простиралась иногда такъ далеко, что, наприм., православный и армянскій патриархи сидѣли вмѣстѣ и „ѣли съ одного блюда“ (тамъ же, 69); мало того: патриархи эти провозглашали другъ за друга „здравицу“, при чемъ оба шли и въ уста цѣловались (тамъ же, 70). Разумѣется, такъ было не вездѣ и не всегда, а большею частію тогда и тамъ, гдѣ нельзя было ожидать соблазна для людей съ немощною совѣстію. Не скрываемъ, что иногда религіозная толерантность простиралась далеко и, съ нашей точки зрѣнія, преступала предѣлы каноновъ: но *не намъ* судить за это греческихъ іерарховъ—Въ частныхъ вопросахъ религіозной практики греческіе іерархи обнаруживали ясный религіозный смыслъ. Если, напримѣръ, русскому обществу XVII-го вѣка казалось непопозволительнымъ въ какой нибудь крайности для служенія литургии употреблять вмѣсто просфоры про-

¹⁾ Mauret. Der Griechische Vrk. B I, S 418 Heidelberg 1835

стой хлѣбъ тогоже качества, или отиѣвать покойника въ день воскресный и праздничный, или же священнику служить (литургію) послѣ мытья въ банѣ, то патріархъ Іоаннскій находить все такіе взгляды неосновательными (тамъ же, 42—45). Если тому же русскому обществу представлялось грѣховнымъ „ѣсть хлѣбъ бусурмановъ“ и жить въ ихъ домахъ, то патріархъ Досифей разсуждалъ, что ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ никакого грѣха ¹⁾.—Столь же много любопытнаго представляли взгляды греческихъ іерарховъ на ихъ отношенія къ прочимъ вѣрующимъ. Епископы, митрополиты и патріархи сами принимали на неповѣдь мущинъ и женщннъ („Проскнпт.“, 357), они-же вѣнчали браки. Въ ихъ келліи открытъ былъ свободный доступъ по всякому дѣлу—монахинямъ, боярынямъ, дѣвамъ (тамъ же 358). Подобно мірянамъ, іерархи постомъ употребляли и раковъ, и устрицы, и омары и другіе суррогаты рыбы, что на взглядъ русскихъ людей тогоже времени представлялось „гадостью“ и „скверною“ (тамъ же, 357). Близости пастырей къ пасомымъ и происходящимъ отсюда довѣріемъ пасомыхъ къ пастырямъ объясняютъ то отрадное явленіе, что въ греческой церкви никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не возникло расколовъ ²⁾.

Такимъ образомъ, греческому духовенству, въ теперь изучаемое нами время, недоставало должнаго образованія, но это духовенство обладало культурностію, замѣнявшею для него образованіе

А. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Проф Каптерева Снощенія патріарха Досифея Приложен, 30

²⁾ Сырку Описание бумагъ епископа Порфирія (Успенскаго), стр 80